

ВАДИМ НОРД

ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ АВГУСТА

Она верит ему.

*Она **ЛЮБИТ** его.*

Она станет его ждать.

Любимые женщины пластического хирурга А.Берга

Вадим Норд

Девушка по имени Августа

«Яуза»

2014

Норд В.

Девушка по имени Августа / В. Норд — «Яуза»,
2014 — (Любимые женщины пластического хирурга А.Берга)

Александр Берг приезжает в Петербург не по душевному капризу – по служебной надобности: решить вопрос, от которого зависит не только жизнь, но, что важнее, честь хирурга. Так случилось, что он оказался вовлеченным в подпольную операцию. И в тот момент, когда Александру кажется, что весь мир против него, ему встречается девушка, от одного взгляда которой не только развеиваются страхи – тают льды, сходятся берега. Да, она похожа на Снежную королеву, но глаза ее теплые, с веселыми искорками, и имя у нее как у самого жаркого летнего месяца – Августа...

© Норд В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

1	6
2	11
3	20
4	26
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вадим Норд

Девушка по имени Августа

Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску...

Ф. М. Достоевский. Бесы

© Норд В., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Командировка

Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил – это не совсем правильно, хоть и классика. Туда, где падают, лучше вообще не ходить, а то никакой соломки не напасешься. Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. И яму тоже обойдет, особенно если в той яме капкан. Знать бы все наперед...

«Командировка» – это не совсем правильное название для операции на выезде, но установившееся, прочно вошедшее в обиход. В командировку обычно отправляет родное начальство, которому где-то там что-то надо сделать. А тут, наоборот, приходится отпрашиваться у начальства, уплотнять график, выкраивать несколько дней... Но с другой стороны, не «гастролями» же называть, врачи не гастролируют. Так и повелось – командировка.

– Чую, недолго вам по городам и весям ездить осталось, Александр Михайлович, – сказал руководитель клиники «La belle Hélène», накладывая косую начальственную резолюцию на заявление с просьбой предоставить трехдневный отпуск за свой счет. – Недолго...

Босс редко пророчествовал, можно сказать – совсем никогда, поэтому Александр больше удивился самому факту, нежели смыслу сказанного. «Недолго ездить осталось» звучит немного зловеще.

– Скоро к вам все сами ездить начнут, – развил мысль босс, откладывая заявление на край стола в неровную стопочку текущих документов. – В очередь писаться за два года станут, надбавки за срочность предлагать...

– К нам ездить начнут, – лояльно поправил Александр, почувствовав подвох.

– Не уверен, – босс откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы в замок и поджал губы. – Не уверен, что к нам. Клиника «La belle Hélène» – это клиника «La belle Hélène», а доктор Берг – это доктор Берг!

«Все с вами ясно, Геннадий Валерианович, – догадался Александр. – Ревнуете. И напрасно ревнуете, ревность – пагубное чувство. Душу разъедает, а пользы никакой не приносит».

Дело хозяйское, если хочется ревновать, то никто не запрещает. Александр не сделал ничего недостойного. Во-первых, операций в начале следующей недели у него не было назначено, поэтому «ломать» график из-за отъезда не приходилось. Во-вторых, еще до подписания контракта они с боссом договорились о том, что Александр может принимать приглашения на проведение операций от иногородних клиник. От московских – ни-ни, лучше и не думать, потому что прямая конкуренция. В-третьих, Александр не приносил Геннадию Валериановичу вассальных клятв верности и не обещал по гроб жизни оперировать только в «La belle Hélène». Профессионал не может быть вечно «прикован» к одному-единственному учреждению, потому что это существенно ограничивает как развитие, так и возможности. В-четвертых, питерская клиника с длинным претенциозным названием «Первая реконструктивно-пластическая клиника «Прогресс» была «дружественной», то есть время от времени направлявшей в «La belle Hélène» пациентов, которым в «Прогрессе» помочь не могли. Вдобавок знакомство самого Геннадия Валериановича с главным врачом «Прогресса» Дегтярским немного выходило за деловые рамки. Не так уж, чтобы «не разлей вода», а на уровне совместных посиделок в ресторанах и обмена полуконфиденциальной информацией. Так что со стороны Александра было бы неудобно и несообразно отказывать Дегтярскому, да и заявленный гонорар был очень хорош, особенно с учетом того, что проезд и проживание оплачивались приглашающей стороной отдельно.

Возникшая пауза была из тех, которые принято называть «неловкими». Оба собеседника ждут, что скажет другой, молчание затягивается... В такие моменты весьма кстати окажется телефонный звонок или неожиданный гость, но, согласно вселенскому закону подлости, звонить телефонам и приходить гостям положено не вовремя. Вовремя неинтересно.

– Что-то мудрит Анатолий Викторович, мудрит, – наконец-то нарушил молчание босс. – Ринопластика, блефаропластика, имплантат в подбородок... Это же базовый уровень, любой справится. Зачем ему понадобились именно вы?

Трактовка была лестной – зачем из такой классной пушки по воробьям стрелять? – но в то же время ехидная, с подковыркой. Александр, получив предложение, задал в ответном письме точно такой же вопрос. «Пациенту вас так отрекомендовали, что он ни у кого другого оперироваться не хочет», – написал Дегтярский.

Мужчина сорока двух лет от роду решил стать красивее. Закономерное, в общем-то, желание, тем более что от природы ему досталось не самое красивое лицо с крупным носом, по форме напоминающим клюв, и скошенным подбородком. Анфас не ахти, а профиль так вообще какой-то карикатурно-цыплячий. Проблема решалась довольно просто. «Сгладить» и укоротить нос, вставить в подбородок увеличивающий объем силиконовый имплантат, через прокол излишек жира с нижних век откачать, чтобы не было мешков под глазами, и нахохлившийся цыпленок превратится в симпатичного мужчину с твердым волевым подбородком и энергичным взглядом. Взгляд – он же не только от самих глаз зависит, но и от их, так сказать, обрамления. Мешки под глазами лишают взгляд привлекательности, «отнимают» энергию, портят общее впечатление.

– Кто-то там меня перехвалил, Геннадий Валерианович, – скромно сказал Александр. – Но если вы считаете...

– Я ничего, кроме убытков, в последнее время не считаю! – раздраженно перебил Геннадий Валерианович. – Я чувствую, что господин Дегтярский начал какую-то игру за моей спиной, и это меня, Александр Михайлович, волнует! Можно даже сказать – напрягает!..

Провидение часто посылает людям предостережения, но далеко не все они бывают правильно и своевременно поняты. Частично в этом виновато само Провидение, любящее туманные изъяснения, а частично – люди, за деревьями не видящие леса. Доктору Бергу бы призадуматься над словами «господин Дегтярский начал какую-то игру за моей спиной», а он вместо этого начал успокаивать босса.

– Хотите – на атласе по анатомии поклянусь, – Александр бросил взгляд на книжный шкаф, – что не хочу, не планирую переезжать в Питер и никакого предложения о работе там не приму. Как говорится – ни сном ни духом.

– Переезжать не обязательно! – хмыкнул босс. – Этот змей подколодный может возжелать московского филиала. Прикормит вас, а потом сделает предложение, от которого вы не сможете отказаться!

– В ваших подозрениях, Геннадий Валерианович, нет логики! – парировал Александр. – Вы же прекрасно понимаете, что в только что открывшуюся клинику меня никакими коврижками не заманить. Новая клиника, где еще ничего не отлажено толком, это адский ад!

– А если руководителем? – не сдавался босс.

– Руководителями ставят доверенных людей, Геннадий Валерианович, – Александр позволил себе улыбку. – Своих, которых хорошо знают.

– А он вас совсем не знает?! – Геннадий Валерианович подался вперед и испытующе смотрел в глаза Александру.

– Шапочное знакомство – вот как это называется. Пару раз виделись на конференциях, сейчас вот переписку ведем. Вы считаете, что этого достаточно для того, чтобы вручать мне бразды?

– Я ничего, кроме убытков, в последнее время не считаю! – повторил Геннадий Валерианович. – Черная полоса шириной в жизнь...

«Черная полоса шириной в жизнь» длилась около месяца, но этого оказалось достаточно для того, чтобы сделать из Геннадия Валериановича неврастеника, перманентно ожидающего очередного пинка фортуны. Началось с того, что здание, в котором находилась клиника, столичные власти собрались реконструировать. Разумеется – с выселением всех и вся, невзирая на договоры долгосрочной аренды. Помещение, подходящее для клиники пластической хирургии, найти ой как непросто, а оборудовать ой как дорого. Было с чего волноваться. Вопрос пока еще не решился окончательно, но вероятность переезда была, по словам босса, восьмидесятипроцентной. Тревожно.

Неприятность номер два – доктор Блувштейн ушел к конкурентам. Пришел к боссу, положил на стол заявление, высказал недовольство тем, что его недооценивают, наотрез отказался от предложения «обсудить тему» и через две недели оперировал в клинике «Хэп-Кли» на Земляном Валу. Ароныч ушел не просто так, он еще и кое-кого из клиентов с собой увел, двойной убыток, можно сказать, когда лишаешься не только хорошего специалиста, но и какой-то части клиентов.

Неприятностью номер три стал скандал с известным журналистом Варенухиным-Савичем по прозвищу «Вареник», который остался недоволен тем, как ему доктор Коломыйко сделал подтяжку кожи лица. Объективных причин для недовольства не было, ибо результат вышел таким, как и было обещано-говорено. Но оказалось, что пациент почему-то ожидал от «нового» лица полного сходства со своей фотографией тридцатилетней давности. Разумеется, эти ожидания не сбылись. Разумеется, был закачен скандал с обещанием «антирекламы вселенского масштаба». Вселенского не вселенского, а ославить на всю Россию «Вареник» мог спокойно. Спокойно и безбоязненно, в смысле ответственности за клевету. Это делается очень просто, методика отработана давным-давно. Полные имена оглашаются не публично, а в кулуарах. Публично вместо них щедро разбрасываются намеки, прозрачные-прозрачные, чтобы тем, до кого не доползут из кулуаров слухи, догадаться было совсем нетрудно. «Клиника, носящая имя прекраснейшей из женщин древности, похищение которой стало поводом к войне» – для судебных разборок это не годится, но в то же время нетрудно догадаться, что речь идет о клинике «La belle Hélène», название которой переводится как «Елена Прекрасная». Геннадий Валерианович предлагал всем желающим вбить слова «прекраснейшая из женщин древности, похищение которой стало поводом к войне» в любой из поисковиков и посмотреть, что будет стоять на первом месте. «Вареник» написал нечто вроде фельетона в газету «Столичный сплетник», поделился своими впечатлениями на двух дециметровых телевизионных каналах, дал интервью нескольким сетевым журналам, специализирующимся на здоровье и всем, что с ним связано, и вроде бы, как донесла боссу разведка, собирался принять участие в программе «Пусть говорят» на Первом канале.

Такие «мелочи», как выход из строя кое-какой дорогостоящей аппаратуры или внезапный срыв в запой нового сетевого администратора, вальяжного сорокалетнего мужчины с кучей положительных рекомендаций, на фоне больших неприятностей сильно не расстраивали, но и хорошего настроения Геннадию Валериановичу не добавляли. И еще, как успел заметить Александр, у босса явно возникли какие-то домашние проблемы, потому что он ни с того ни с сего стал засиживаться в своем кабинете допоздна, хотя раньше предпочитал утаскивать «работу» домой.

Одно к одному. Беды, в отличие от радостей, поодиночке не ходят, это общеизвестно.

Для Александра в нечастых «выездных» операциях не было ничего необычного. Если хочется человеку, чтобы его прооперировал доктор Берг из Москвы, то почему бы доктору Бергу не прооперировать? Может, пациенту последнее интервью Александра понравилось или рекомендовал кто-то из знакомых, а может, ему непременно нужен столичный пластический

хирург, потому что местным он не доверяет. Но почему бы тогда пациенту не приехать в Москву самому? Ну мало ли какие бывают у людей обстоятельства. Кто-то бизнес без призора даже на несколько дней оставить не может, а кто-то – мужа или жену. Кто-то не склонен проводить послеоперационный период вне дома (дома и стены помогают, в самом деле), кто-то на подъем тяжел, но на руку щедр, то есть считает, что лучше уж доктору приплатить за труды, чем ехать в Москву самому... Да мало ли причин может быть у людей?

К «выездным» операциям Александр относился хорошо. И не только потому, что был легок на подъем и быстр на сборы, но прежде всего потому, что каждая такая операция добавляла что-то существенное к опыту. Замыкаться в пределах одной клиники не очень хорошо, если, образно говоря, сидеть сиднем на одном месте, то недолго и мхом порастить. Кроме того, «выездные» операции льстили самолюбию и служили своеобразным подтверждением статуса – абы кого ведь не пригласят оперировать со стороны – а также хорошей рекламой как для самого Александра, так и для клиники «La belle Hélène». Денежную составляющую тоже нельзя было сбрасывать со счетов, оплачивались подобные операции хорошо. А еще было приятно сменить ненадолго обстановку, побродить вечером по новым местам, набраться новых впечатлений. Короче говоря, сплошные плюсы и только один минус, точнее – неудобство. Предварительное общение с пациентом происходит не вживую, а по скайпу, по телефону или по электронной почте. Но, ничего, продуктивно пообщаться можно и так, тем более что всю предварительную работу с пациентом, начиная с оценки его адекватности и выяснения его пожеланий до определения характера и масштаба операции, проводит приглашающая сторона.

Вернувшись от босса в свой кабинет, Александр отправил письмо главному врачу «Прогресса» с окончательным подтверждением своего приезда. Пока покупал на сайте Российских железных дорог билет на «Сапсан» в Питер (обратный – это потом, по обстоятельствам), позвонил мобильный. Дегтярский предпочитал общаться по телефону, а не по почте.

– Замечательно, Александр Михайлович! Ждем вас! Забронировали номер в «Октябрьской». Операцию ставлю на четырнадцать часов. Сам буду вам ассистировать, надеюсь, что не разочарую...

«Сам буду вам ассистировать» немного удивило, но не так чтобы уж очень. Да, руководители клиник обычно никому не ассистируют, ибо почему-то считается, что это не лучшим образом сказывается на их авторитете. Но, возможно, господин Дегтярский выше подобных предрассудков, или же тряхнуть стариной захотелось, или же пациент ему так дорог, так близок, что он хочет присутствовать на операции. Ну и пусть, так даже лучше – своими глазами увидит, как оперирует доктор Берг. Тому, кто делает свое дело на совесть, руководящий контроль не помеха.

В десять тридцать пять прибывает поезд. Десять минут на то, чтобы выйти из вагона и спуститься в метро, десять минут ехать до Выборгской и еще десять минут на то, чтобы дойти от метро до «Первой реконструктивно-пластической клиники «Прогресс». Названице, однако, свидетельствует о больших, даже – огромных, амбициях. «Первая», да еще «Прогресс». Ну ладно, как хотели, так и назвали. Около четверти двенадцатого Александр должен быть в клинике. Сорок пять минут на подписание договора (все уже согласовано, простая формальность) и обсуждение кое-каких деталей. Примерно столько же на общение с пациентом, затем пациента начнут готовить к операции, а Александр устроит небольшую кофе-паузу и тоже начнет готовиться – переодеться и мыться. В незнакомые операционные надо приходить заранее, чтобы спокойно, без суеты убедиться в том, что все подготовлено должным образом.

Однажды в Саратове анестезиолог в резкой форме выразила недовольство тем, что московский хирург интересуется, заряжены ли встроенные аккумуляторные батареи наркозно-дыхательного аппарата. Нечего, мол, соваться в чужую епархию, за наркоз отвечает анестезиолог, а не хирург. Александр как можно вежливее объяснил, что он, как оперирующий хирург, отвечает за всю операцию в целом и потому его интерес обоснован на все сто про-

центов. Вот если он поинтересуется, заряжен ли аккумулятор в телефоне у анестезиолога, то это можно счесть вмешательством в ее священное прайвеси, а насчет наркозной аппаратуры извольте ответить, иначе операцию придется отложить. Аккумуляторные батареи позволяют аппарату работать в автономном режиме полтора часа в случае отключения электричества. Операционный светильник, к слову будь сказано, тоже имеет аккумулятор резервного питания с двух-, трехчасовым ресурсом. Где гарантия, что во время операции не будет перебоев с электричеством?

Угроза отмены операции подействовала. Анестезиолог включила аппарат и продемонстрировала, что аккумуляторы заряжены полностью. Пробурчала, правда, что-то не очень внятное про маразм и занудство, но Александр на это бурчание внимания не обратил, а после операции поблагодарил анестезиолога за четкость и профессионализм. Заслуженно, в общем-то, похвалил, без преувеличения. Та мгновенно оттаяла, начала в ответ хвалить Александра и в итоге расстались друзьями, даже телефонами обменялись.

Уезжать домой сразу же после операции, как принято у некоторых деятелей, нельзя. Первые сутки – самый ответственный отрезок послеоперационного периода. Девяносто девять процентов плохого случается в это время. Поэтому уезжать домой можно только после того, как осмотришь пациента на следующий день и убедишься, что все в порядке. На всякий случай, Александр отпросился на три дня. Он всегда отпрашивался с небольшим временным запасом. Так спокойнее. Если все сложится хорошо, можно будет выйти на работу на день раньше, если что – будет в запасе день. Предусмотрительность – залог спокойствия.

У спокойствия столько залогов, что всех и не упомянуть.

Спокойствие – оно как карточный домик. Стоит только подуть с любой стороны, и домик развалится.

«Unverhofft kommt oft», – говорят немцы. Неожиданное приходит часто.

2

«Прогресс»

Благословен тот, кто придумал наушники. Сосед справа заснул сразу же после того, как поезд тронулся, и заливисто храпел на весь вагон. Откуда-то сзади ему «подпевали», правда, не столь громко. Александр надел наушники и за время пути посмотрел два фильма – «Джентльменов удачи» и какой-то зарубежный боевик, название которого стерлось из памяти еще во время просмотра.

Минут за пятнадцать до прибытия пассажиры начали выстраиваться в очередь на выход. Сначала стояли в тамбуре, но скоро и по проходу между креслами потянулся «хвост». Это удивительное нетерпение друг Александра Андрей объяснял ввевшейся в гены памятью о временах повального дефицита, когда очереди были везде и повсюду. В том числе и носильщиков на вокзалах не хватало, вот и торопились люди поскорее выйти на перрон, чтобы не пришлось на себе волочить весь багаж до транспорта. Объяснение на первый взгляд выглядело логичным, но Александр придерживался иного мнения. С точки зрения психологии подобное поведение скорее объяснялось не памятью о былых временах, а временами нынешними с их обостренной конкуренцией, возведенной чуть ли не в корень бытия. Боязнь того, что опередят, обойдут, оттеснят, вынуждает пассажиров вылезать из удобных кресел и проводить остаток пути на ногах. Это не спешка, а очередная попытка утвердить свое превосходство над ближним.

Конфуций был не совсем прав, когда утверждал, что благородный муж думает о морали, а низкий человек – о том, как бы получше устроиться. О том, как бы получше устроиться, думают все люди. Человек рожден для счастья, разве не так? Но и о морали забывать нельзя... Скорее всего, Конфуций имел в виду, что низкие люди думают *только* о том, как бы устроиться получше, а тот, кто записывал его высказывания, этим словом пренебрег...

Додумать Александр не успел, потому что поезд остановился и пора было выходить вслед за теми, кто натолкнул его на размышления.

Отсутствие громоздкого багажа – одна из неизменных составляющих удовольствия, получаемого от поездки. Рецепт правильных сборов прост. Собери все, что хочешь взять с собой в дорогу, и отложи в сторону то, без чего сможешь обойтись. Что осталось – бери с собой. В результате багаж будет состоять из одной небольшой сумки, а не из нескольких громоздких чемоданов.

Театр начинается с вешалки, а клиника – с вывески. Мало кто довольствуется белыми буквами на синем фоне, всем хочется подчеркнуть свою респектабельность. «Первая реконструктивно-пластическая клиника «Прогресс» переплюнула, то есть затмила все известные Александру учреждения. Вывеска была медной, огромной и прекрасно гармонировала с массивными старинными ручками на массивной двустворчатой двери. Александр поверил бы, если бы ему сказали, что дверь вместе с ручками перекочевала сюда из какого-нибудь дворца, уж очень она не была похожа на новодел.

Вестибюль клиники удивлял обилием мрамора, огромной люстрой на цепях и количеством лепнины на потолке. Придверный охранник был одет в парадную форму неизвестной армии – галуны, аксельбанты, громадная кокарда на фуражке. Язык так и чесался назвать охранника «вашим превосходительством», но Александр переборол искушение и попросил проводить его к главному врачу. Но старинное словечко «благоволите» в свою просьбу все же вставил, не смог удержаться.

В коридоре светильники были поменьше, но тоже на цепях, благо высота потолков позволяла. Мраморная тема достигла своего апогея в одинаковых приземисто-широких вазах, рас-

ставленных по подоконникам. На ручках ваз сидели маленькие купидончики и грустно заглядывали внутрь.

Кабинет главного врача оказался уменьшенной копией вестибюля, только без колонн и с письменным столом вместо стойки ресепшен.

– Как вам наши пенаты? – первым делом поинтересовался главный врач.

Слово, употребленное не совсем кстати и не совсем правильно, тем не менее прекрасно подходило ко всему этому вычурно-несуразному великолепию.

– Впечатляет, – лаконично и честно ответил Александр.

– Сестра моя называет это безвкусицей, возведенной в запредельную минусовую степень, – неожиданно сказал главный врач. – Она в Русском музее работает, привыкла к настоящей красоте. Но наша роскошь работает, клиенты впечатляются с порога. Это своеобразный посыл такой... Я, знаете ли, придаю деталям очень большое значение. Взять хотя бы название. Я голову сломал, думая о том, как правильно назвать клинику. Так, чтобы подчеркнуть ее приоритет над всеми остальными и заложить в название какой-то позитивный стимул. Но в итоге придумал то, что надо. Замечательное название, правда?..

«Бывает и хуже», – подумал Александр, вежливо кивая головой.

– Произнося название нашей клиники вслух, нам желают прогресса. По многу раз в день! Каждый день! Раз – прогресс, два – прогресс и так далее... Мы, конечно, процветаем не только за счет этих пожеланий, но они вносят свою лепту...

«Чудак», классифицировал Александр. Образ чудака прекрасно дополняли характерная чеховская борода и очки в тонкой круглой оправе, похожие на пенсне.

Перейдя к делу, главный врач мгновенно посерьезнел и уже не выглядел чудачком.

– Сергей Иванович – мой давний знакомый, поэтому я сам не хочу его оперировать...

Это правильно. Родственников, друзей и давних знакомых лучше не оперировать. С одной стороны, личное отношение может повлиять на ход операции – рука под наплывом эмоций дрогнет или паниковать начнешь, если что-то пойдет не так. Ну а в случае неблагоприятного исхода станешь терзаться и казнить всю жизнь, даже если ни в чем не виноват. Дело не в том, что по поводу неудач с незнакомыми до момента обращения пациентами врачи не переживают. Переживают, да еще как. Просто степень близости с человеком может сделать эти переживания очень сильными, помешать дальнейшей работе. С другой стороны, «свойское» отношение к врачу может стать препятствием для точного выполнения его требований и рекомендаций пациентом. И вообще – профессиональное лучше не смешивать с личным, так и для профессионального будет лучше, и для личного.

– Он с этим согласился и попросил меня порекомендовать ему хорошего врача. Нет, Александр Михайлович, вы не мне обязаны приглашением. У меня, знаете ли, принцип – никогда никому не рекомендовать никого из коллег. Обжегся несколько раз и установил себе такое вот правило. Поэтому Сережа сам проводил маркетинг. Я ему сказал – ты только определись, а дальше я все организую на высшем уровне...

«На высшем уровне – это как? – забеспокоился Александр. – Уж не стоят ли у них вазы с орхидеями в операционных и не настланы ли там персидские ковры?»

Оказалось, что не настланы. Рабочие помещения в клинике были оборудованы как положено, хотя определенная, если можно так выразиться, роскошь прослеживалась и здесь. Светильник над операционным столом был не просто современным, но и «умным». В него были встроены датчики, определяющие положение головы хирурга, чтобы над ней отключался свет, который не только светит, но и греет. Комфортней работать, когда тебе не «печет» сверху.

Дегтярский оказался превосходным ассистентом, из чего можно было сделать вывод о его профессионализме вообще. Такого в практике Александра еще не было, чтобы ассистент, с которым не успели сработаться, не просто делал то, что требуется, но и предвосхищал его желания.

Анестезиолог тоже оказалась на уровне. Что такое – хороший анестезиолог? Это тот, о котором во время операции забываешь напрочь. Анестезиолог обеспечивает операцию, то есть делает все для того, чтобы хирурги спокойно, не отвлекаясь, оперировали.

И пациент не подкачал – перед операцией держался спокойно, неуместных вопросов не задавал, в глаза врачам тревожно не заглядывал, даже пошутил по поводу того, что не успел сфотографироваться на память, и при этом как-то многозначительно переглянулся с Дегтярским. Присутствующий и склонный к дедукции Александр сразу же сделал вывод о том, что кто-то из них, если не оба сразу, увлекается фотографией. Нынче многие увлекаются фотографией, это модно и, в каком-то смысле, стильно. Александр прошел через это в подростковом возрасте, еще в доцифровую эпоху. Фотографировал дешевой китайской мыльницей, относил пленки на проявку, печатал удачные кадры, собрал три обувные коробки с фотографиями и... понял, что это занятие ему надоело. Ну, запечатлел кучу разных мгновений, а что толку? Все равно важное, самое-самое, осталось в памяти и без фотоаппарата, а неважное и запечатлеть незачем. Так и бросил фотографировать. В смысле – на каждом шагу. Путешествуя, мог сфотографировать что-то понравившееся или оригинальное, но без фанатизма.

Производя блефаропластику, Александр размышлял о том, насколько вообще глаза являются зеркалом души. Вообще-то, в первую очередь, как и положено врачу, он думал об операции, о том, что он делал, но где-то там, за пределами, фоном шли мысли более глобального, если так можно выразиться, характера.

Сколько в создаваемом впечатлении зависит от самих глаз и сколько от их обрамления? Каждому бриллианту достойную оправу – разве не так? Что такое бриллиант без оправы? Драгоценный камень, шлифованный минерал, ценная вещь... Не более того, хотя и этого, в общем-то, достаточно. Но только оправка, соответствующая оправка, делает бриллиант произведением искусства. Бриллиант без оправы – ничто, как и оправка без бриллианта. Вместе же они способны поражать воображение, пленять, очаровывать, восхищать... Нам только кажется, что мы обращаем свое внимание на глаза собеседника, партнера, другого человека. Только кажется... На самом же деле мы обращаем внимание и на оправку, то есть – на веки, брови, глазные впадины... В первую очередь – на веки. Веки существенно изменяют взгляд. Наплывут сверху, отвиснут снизу мешками, и, как глазами ни сверкай, взгляд будет мрачным, тяжелым, «стариковским», тусклым. И никаким, даже самым волшебным, макияжем этого впечатления не исправить. Только оперативным путем. Устраняя излишки кожи и скопления жира, подтягивая кожу так, чтобы исчезли морщинки, хирурги не только возвращают взгляду былую живость, но и делают его ярче, выразительнее. От этого и все лицо молодеет.

Если бы надо было избавиться только от скоплений жира, то можно было бы обойтись лазером – сделать прокол вместо длинного разреза по краю века и удалить жир. Но «лишнюю» кожу таким образом не удалить, поэтому Александр разрезал, иссекал и филигранно зашивал. В пластической хирургии умение правильно зашить ценится не меньше, чем умение правильно отрезать. Плохой, грубый, заметный шов может в прямом смысле слова перечеркнуть работу хирурга. А хороший, правильный, шов ничего не перечеркнет, потому что его не видно. Рубчик тоньше волоса, да еще и спрятанный в естественной кожной складке... Такой не то что невооруженным, вооруженным глазом не углядеть!

– Половина операции ваша, Анатолий Викторович, – сказал Александр Дегтярскому после операции. – Вы прекрасно ассистируете...

– Ассистировать вам, Александр Михайлович, одно удовольствие, – ответил комплиментом на комплимент Дегтярский. – Такая четкость, ни одного лишнего движения...

Короче говоря, наговорили друг другу любезностей, выпили по чашке кофе, подкрепились бутербродами и пошли осматривать проснувшегося к тому времени пациента. Пациент держался молодцом, на вопросы отвечал по существу, то есть – полностью пришел в сознание и даже попросил зеркало, чтобы полюбоваться на себя в повязках и пластыре. Договорились, что

завтра утром Александр приедет в клинику к десяти часам для очередного осмотра и потом, если все будет хорошо, уедет в Москву, оставив пациента под наблюдение Дегтярского.

Операция сама по себе была утомительной, да еще и вставать пришлось в пять часов утра, поэтому единственное, чего хотел Александр, так это спать. Но оказалось, что у Дегтярского другие планы на остаток вечера. Тонем, исключаящим любые возражения, он пригласил Александра поужинать вместе.

– А я-то думал, что мы поужинали в вашем кабинете, – пошутил Александр и принял предложение.

Не принять было нельзя, ибо оно носило не столько личный, сколько дипломатически-протокольный характер. Дегтярский вызвал такси, и они поехали в ресторан куда-то на Васильевский остров. По аналогии с клиникой Александр ожидал чего-то помпезно-роскошного, но ресторан оказался небольшим, уютным, отделанным в стиле русской избы. И блюда здесь подавались простые, без вывертов – жаркое в горшочках, «самолепные», как было сказано в меню, пельмени, пироги, расстегаи, блины.

– Я – человек простой, и разные эти суши, пиццы и всякие там роллы не признаю, – доверительно признался Дегтярский, принимая у официанта кожаную папку с меню. – По моему убеждению, еда должна отвечать двум требованиям – быть вкусной и сытной. Все остальное – от лукавого.

– И свежей, – добавил Александр.

Официант изобразил на лице такое удивление, словно услышал нечто донельзя непристойное. «Как так можно! – укоряло его лицо. – Что значит «свежей»? У нас вся еда по определению свежая, или это вообще не еда!»

– Да-да, свежей, – кивнул Дегтярский.

Утром есть не хотелось, поэтому Александр обошелся одним яблоком. В поезде он ничего не ел, перед операцией было не до еды, поэтому бутерброды, съеденные в кабинете Дегтярского, организм переварил очень быстро и сразу же потребовал добавки. Александр заказал расстегай-ассорти – по одному с рыбой, с мясом, с курицей и с грибами, и телятину в горшочке. Дегтярский, едва заглянув в меню, попросил принести фаршированного карпа и двести грамм приличного коньяка. Так и сказал «приличного», без указания марки, из чего Александр сделал вывод о том, что заведение, которое они посетили, в целом достойное. В недостойном пренебрегать указанием марок нельзя, иначе есть риск нарваться на нечто немисливо дорогое. Коньяк оказался неплохим, среднего уровня. Не бог весть что, но и не коктейль из разведенного спирта, колера, ванили и прочих ароматизаторов.

– Так приятно иногда вырваться из привычной рутины, – сказал Дегтярский, как только официант ушел. – Надо почаще вас приглашать, Александр Михайлович. Жаль, конечно, что вы не в Питере живете...

Александр немного напрягся – уж не будут ли его сейчас переманивать. У Геннадия Валериановича чуйка звериная, недаром он что-то заподозрил. Но Дегтярский начал развивать совсем другую тему, автобиографическую с малой толикой философии.

– Вот говорят – не было бы счастья, да несчастье помогло, а ведь так оно и есть. Я ведь, Александр Михайлович, Военно-медицинскую академию закончил, четвертый факультет. Хотелось, знаете ли, совместить в одном флаконе любовь к медицине и любовь к морю...

«Надо же!» – удивился про себя Александр. В сутулом близоруком собеседнике не было ничего бравого, военного и тем более – морского. Типичный гражданский гражданин, если можно так выразиться.

– А пока учился – язву двенадцатиперстной кишки нажил, – продолжал Дегтярский. – Приехал к месту службы в Североморск, пошел представляться начальству, и меня прямо на пороге скрутило. Сразу в госпиталь и на стол, а через полтора месяца комиссовали. Ни одного дня не успел послужить. Анекдот! А такие планы были, что аж дух захватывало! К сорока

годам рассчитывал стать начальником крупного госпиталя в полковничьем звании, а в особо нескромных мечтах подумывал и о должности начальника медицинской службы Военно-морского флота. Вот так! Не боги горшки обжигают, и плох тот солдат, у которого в ранце нет маршальского жезла! А вместо этого чудесная перспектива работы хирургом в районной поликлинике. Застрелиться хотелось, честное слово, только не из чего было. Это сейчас в армию никого калачом не заманишь, а тридцать пять лет назад в военные училища серьезный конкурс был, а в Военно-медицинскую академию так вообще зверский. По двадцать человек на одно место, да каких человек! Лучших учеников со всего Союза! Вы молодой, вам этого не понять. Вы не обижайтесь, пожалуйста, это я завидую.

Александр заверил, что не обижается. В знак дружбы и взаимопонимания выпили по рюмочке.

Неизвестно какая музыка, тихо лившаяся из динамиков (нечто из класса «мелодичная попса»), неожиданно сменилась довольно редкой песней «Битлов» про доктора Роберта.

Doctor Robert
You're a new and better man
He helps you to understand
He does everything he can
Doctor Robert¹

«Такой своеобразный знак внимания к клиентам-врачам или совпадение?» – подумал Александр, склонный иногда задумываться над тем, над чем задумываться и не стоило.

В последнее время он переживал нечто вроде битломанского ренессанса. Когда-то «Битлы» ему очень нравились, потом он к ним остыл, и казалось, что навсегда, а теперь вот снова увлекся. Настолько, что таскал в телефоне всю антологию от *Please Please Me*² до *Let It Be*³ и слушал время от времени сообразно настроению.

– Товарищи мои уже майорами были, а я ассистентом на кафедре подвизался. Не поликлиника, конечно, но тоже ничего особенного. А потом вдруг времена изменились и коварная Фортуна решила повернуться ко мне лицом, а к моим товарищам, к сожалению, задом. Страшно подумать, что сейчас бы я мог жить на пенсию от Министерства обороны!..

Эта фраза Александру не понравилась, можно сказать – подпортила его мнение о Дегтярском. Слишком уж много пафоса и самодовольства он в нее вложил. Сложилось у тебя – радуйся, но в радости своей старайся не возвышаться над другими. Иными словами, надо радоваться тому, что у тебя все хорошо, а не тому, что тебе лучше, чем кому-то. Как-то так. И не такие уж маленькие пенсии у военных, чтобы жить на них было «страшно подумать».

– У меня, может, не самая большая клиника в Петербурге, но дело ведь не в размере, не так ли? Согласны со мной, Александр Михайлович?

– Не в размере дело, – поддакнул Александр.

Искренне поддакнул, не кривя душой. Действительно, не в размере дело, а в качестве оказываемых услуг. Клиника может быть большой, даже огромной, но «бестолковой», то есть – плохо работающей. За примерами далеко ходить не надо. Три года назад в Москве с большой помпой открылась клиника «Преображенский и К°». Владельцы отремонтировали и оснастили по высшему разряду трехэтажное здание бывшего кожвендиспансера, набрали персонал, нешуточно вложились в раскрутку, но забыли о самом главном, о том, без чего ни одна

¹ 1 The Beatles, «Doctor Robert». Перевод: Доктор Роберт, Ты новый и лучший из людей. Он поможет вам понять, Он делает все, что в его силах. Доктор Роберт.

² 2 Студийный альбом The Beatles 1963 года.

³ 3 Студийный альбом The Beatles 1970 года.

фирма-компания-структура существовать не может. Или не забыли, а просто не сумели правильно организовать деятельность клиники. Само собой ничего не делается, а если и делается, то далеко не самым лучшим образом. Найти (сманить) хороших хирургов и оснастить их всем необходимым – это полдела. Надо еще, чтобы вся клиника работала как часы. Если человек приходит в назначенное время и ждет приема полтора часа – это не дело. Если по телефону говорится одно, а при встрече – совершенно другое, это никуда не годится. Если до операции сэкономить время на общении с пациентом, то после операции есть риск потратить несоизмеримо больше на общение с его адвокатом. Короче говоря, клиники «Преображенский и К°» скоро уже год как нет. Все проходит, только что-то очень уж быстро.

Дегтярский был радушен и дружелюбен донельзя, но крылось в этом нечто такое, приторное, ненатуральное, что вынуждало держать ухо востро. «Мед с сахаром, – говорила в таких случаях бабушка Анна Тимофеевна и добавляла для непонятливых: – Сладко, а невкусно». Александр всегда стремился быть независимым и от людей, примерявших на себя маску благодетеля или покровителя, старался держаться подальше. Знал, как это бывает – коготок увяз, всей птичке пропасть. «Прикормят» тебя, а потом начнут этим шантажировать. Тем более что это всего лишь маска.

Но, с другой стороны, попадают люди, которым эта маска просто нравится и они носят ее не с корыстными целями, а только лишь для того, чтобы потешить собственное эго. Почему бы им не подыграть, делая вид, что принимаешь все за чистую монету? И вообще, пусть уж лучше позитив будет гипертрофированным, чем негатив.

В завершение ужина, под кофе, изрядно поднабравшийся Дегтярский (Александр выпил всего одну рюмку, а он допил остальное и попросил принести еще сто пятьдесят грамм) вошел в роль крестного отца.

– У меня такое правило, – Дегтярский старался говорить веско, но выходило смешно и порой не очень связно, – везде иметь своих людей, то есть людей, на которых я могу положиться. А эти люди, в свою очередь, могут положиться на меня. «Ты – мне, я – тебе», на этом столпе стоит Вселенная, а кто не с нами, тот против нас. Вы думаете, что здесь Северная столица, город высокой культуры и все такое? Зря! Питер – это гигантский серпентарий! Когда меня спрашивают, каким словом я могу охарактеризовать мой родной город, я отвечаю: «Бандитский»! Бандитский Петербург! Сериал есть такой, видели, наверное?

Александр отрицательно покачал головой. Слышал, что есть такой сериал, но не видел.

– Так вот там все неправда! На самом деле все гораздо хуже! Это я вам как коренной ленинградец говорю. Здесь надо держать ухо востро, а нос – точно по ветру, иначе долго не протянешь!..

Александр на миг показалось, что он перенесся в Чикаго времен Великой депрессии. Что-то уж очень Анатолий Викторович впал в брутальность.

– Но я держу! – заверил Дегтярский. – И нос по ветру держу, и всех, кого надо, держу...

Для наглядности он сжал кулак и негромко (набравшийся интеллигент остается интеллигентом) стукнул им по столу.

– Александр Михайлович! Знайте, что в Петербурге у вас есть друг!

Еще один удар кулаком, теперь уже в грудь и немного сильнее.

– Спасибо, Анатолий Викторович, – ответил Александр и добавил, чтобы не казаться недружелюбным невежей: – Всегда рад сотрудничать.

– И это замечательно! – обрадовался Дегтярский, так обрадовался, словно ему пришлось долго склонять Александра к сотрудничеству. – Мы с вами таких дел еще наделаем!

«Если закажем еще коньяку, то точно наделаем», – подумал Александр.

Демонстративно смотреть на часы или столь же демонстративно зевать было не в его стиле. В предложении разойтись по домам-гостиницам нет ничего неприличного, так почему бы не сказать об этом прямо?

Дегтярский порывался оплатить счет целиком, но Александр настоял на том, чтобы каждый заплатил за себя. Одно дело – бутербродами в клинике угоститься, другое – по ресторанам за чужой счет ходить.

На дорогу Дегтярский принял стограммовый «посошок», и в такси его совсем развезло. Сидел на переднем сиденье, порывался свалиться на водителя, что-то бормотал себе под нос, сократив имя Александр до фамильярного «Алик». Александр сильно удивился, потому что Дегтярский совершенно не был похож на человека, имеющего проблемы с алкоголем. Впрочем, те, кто употребляет спиртное регулярно, умеют контролировать свое опьянение... Нет, скорее всего, Дегтярский просто позволил себе расслабиться и немного перебрал.

Расслабляться когда надо – великое искусство, доступное лишь единицам, которые сумели постичь что-то из области непостижимого. Им бы только усесться в позу лотоса, а дальше все пойдет само собой. Не пройдет и двадцати секунд, как помыслы обращаются от суетного к вечному, эмоции исчезают, сердце начинает биться медленнее... Уметь расслабляться правильно – тоже искусство. Не каждому дано.

Александр предложил отвезти Дегтярского первым, но тот горячо запротестовал:

– Я у себя дома, Александр Михайлович, а вы в гостях! Вы Питера не знаете, и этот прощелыга будет возить вас кругами до тех пор, пока не разведут мосты!

Такси было легальное, со счетчиком, накручивавшим рубли. Водитель никак не отреагировал на «прощелыгу» и «возить кругами», то ли принял во внимание состояние Дегтярского, то ли просто привык к разным выходкам пассажиров.

– Держитесь за меня – и не пропадете! – твердил Дегтярский.

Таксист высадил Александра возле гостиницы и повез Дегтярского дальше, Александр не расслышал, куда именно. Александр немного постоял на тротуаре, подышал свежим воздухом, поглазел на оживленную и в позднее время Лиговку, а потом вошел внутрь.

Через полчаса он уже спал в своем номере и видел во сне, как высокая симпатичная девушка с копной рыжих кудряшек на голове водит его по Петербургу и показывает достопримечательности. Только не официальные, а те, с которыми у нее лично что-то связано. Погода стоит летняя, жаркая, не то что на самом деле. На девушке надето легкое белое платье, которое на свету становится полупрозрачным. У девушки красивое лицо и идеальная фигура, только верхняя губа слегка вздернута кверху, но это только добавляет ей шарма.

Утром, во время бритья, Александр вспомнил сон и решил, что он должен быть вещим – уж очень понравилась ему девушка. Почему вещим? Да хотя бы потому, что сон про лето, а сейчас – апрель. Вслед за весной придет лето, значит, и все остальное должно сбыться. Логично? Почти.

– У меня никогда не было девушки в Питере, – пожаловался Александр своему отражению. – И вообще, я так редко здесь бываю и всегда помалу...

Лучше бы он пожаловался на то, что никогда не был в Мексике. Глядишь, и на какой-нибудь симпозиум прислали бы приглашение...

Александр немного сомневался насчет того, приедет ли Дегтярский в клинику с утра. После вчерашних излишеств тот мог и опоздать. Ждать в клинике не хотелось, а осматривать пациента без Дегтярского, которому предстояло продолжать наблюдение, было нерационально. И в то же время было неловко звонить в клинику и интересоваться, на месте ли главный врач. Ничего неприличного в этом вопросе нет, но с учетом того, что напился Дегтярский на глазах Александра, вопрос мог бы поставить его в неудобное положение, прозвучать скрытым упреком. Вот, мол, я с утра как огурчик, а в отношении вас, дорогой Анатолий Викторович, сомневаюсь, уж больно вы вчера перебрали коньячковского.

После недолгого размышления Александр решил позвонить в девять утра в клинику и поинтересоваться состоянием больного – как он спал, не температурит ли и так далее. Этот интерес вполне уместен, поскольку доктору положено беспокоиться о пациентах. Бывший глав-

ный врач шестьдесят третьей больницы Малиновский имел обыкновение избавляться от тех заведующих отделениями, которые по выходным не делали «контрольных звонков» дежурной смене. Александр, будучи студентом, присутствовал на утренних конференциях в шестьдесят третьей и запомнил любимую фразу Малиновского: «Настоящий руководитель знает, что в его отсутствие ничего хорошего случиться не может». Если Дегтярский на месте, то, разумеется, он сам расскажет о состоянии пациента. Так Александр и поступил.

– Если не считать попытки курения в окно, то все в порядке! – бодрым голосом «наябедничал» Дегтярский. – Но за это он уже получил от меня хорошую клизму, так что вопрос можно считать закрытым. Приезжайте, Александр Михайлович, ждем!

Курить вообще вредно, а непосредственно перед операцией и на протяжении всего послеоперационного периода – тем более. Попадая в кровь, никотин вызывает стойкое сужение кровеносных сосудов, нарушая тем самым кровообращение. Удлиняется процесс заживления, возрастает риск послеоперационных осложнений. Пластическая операция – прекрасный повод для того, чтобы расстаться с вредной привычкой. Да и какое удовольствие может доставлять этот процесс при отеке носа и неприятных ощущениях в только что прооперированном подбородке? Александр не курил, поэтому не мог утверждать на все сто процентов, но на девяносто девять с половиной подозревал, что никакого удовольствия – привычный ритуал, не более того.

Дегтярский выглядел бодро и свежо. Никаких видимых последствий, разве что Александру в глаза смотреть избегал, стеснялся все-таки вчерашнего.

С пациентом все было в порядке. Никаких жалоб, ничего настораживающего. Ночью спал, на завтрак выпил чашку теплого куриного бульона, температура нормальная, давление – сто двадцать на восемьдесят. Желание одно – поскорее покинуть клинику.

– Я здесь, а все дела мои там. Некогда разлеживаться.

Еще во время «заочного» знакомства по скайпу Сергей Иванович рассказал, что заправляет небольшим строительным бизнесом. Так и сказал, с оттенком самоуничижительного пренебрежения, «заправляю», а не «руковожу» и не «управляю».

– Не волнуйтесь, Александр Михайлович, все послеоперационное ведение мы обеспечим на самом высоком уровне... – трижды повторил Дегтярский.

Пациент на прощанье крепко пожал Александру руку и сказал:

– Спасибо, Александр Михайлович. Будем живы – увидимся.

К чему была сказана последняя фраза, Александр не понял, но решил, что это просто присказка у пациента такая. Любимые фразы есть у каждого человека. Сам он, например, любит повторять «quid dubitas, ne faceris»⁴. А у Геннадия Валериановича, директора клиники «La belle Hélène», любимым выражением было «спокойствие, только спокойствие», за что его сотрудники прозвали «Карлсоном».

Некоторой неожиданностью стала оплата наличными. Обычно за выездные операции платили безналом, перечисляя деньги на банковский счет, который Александр указывал в договоре. Указал он его и на этот раз, но Дегтярский сослался на какие-то проблемы с банком, а Александру, по большому счету, было все равно. Он получил конверт с купюрами, пересчитал их по настоящему требованию Дегтярского, подписал «расходник»⁵ и попросил разрешения воспользоваться хозяйским компьютером для покупки обратного билета.

Не покупать билет заранее – суеверие чистой воды, вытекающее из вселенского хирургического правила «Не говори «гоп», пока не прооперируешь». Можно покупать обратный билет заранее и сдавать его в случае изменения планов, но лучше не планировать ничего до тех пор, пока не убедишься, что операция прошла успешно. Тем более что проблем с билетами нет.

⁴ 1 В чем сомневаешься, того не делай (лат.).

⁵ Расходный кассовый ордер.

Александр очень удачно купил билет на трехчасовой поезд. Позвонил боссу, сказать, что выйдет на работу уже завтра, прогулялся по Невскому (для того люди и придумали зонты, чтобы гулять под дождем), пообедал в кафе неподалеку от Гостиного Двора, а уже в восемь часов вечера был дома и звонил матери, доложить, что благополучно вернулся.

Командировка закончилась.

– Как съездил? – спросила мать.

– Хорошо съездил, – ответил Александр. – Приятный город, приятные люди...

3

Очень неприятная новость

Что такое истинно холостяцкий ужин? Классический?

Сборище холостяков за обильно накрытой «поляной»? Нет, это, скорее, мальчишник.

То же самое, но с участием женщин? Снова неправильно.

Истинно холостяцкий ужин – это ужин, приготовленный холостяком и им же съеденный. В одиночестве. С одиночеством можно поступать как заблагорассудится. Можно смаковать его, наслаждаясь, можно им тяготиться, а можно не обращать на него внимания.

Сегодня вечером Александр собрался наслаждаться одиночеством и тем покоем, который с ним связан, уж больно суматошным выдался день. Дорогой и любимый босс Геннадий Валерианович вчера полдня провел в мэрии, где, по его словам, «уточнял насчет реконструкции», и потому сегодня с самого утра изводил всех придирами. Досталось и Александру, который «в это тяжелое для клиники время» совершил страшное преступление, отложив две операции на следующий месяц.

– Вы понимаете, что в июне нас здесь уже может не быть?!

Геннадий Валерианович немного перегибал палку со сроками и намеренно упускал из виду то обстоятельство, что, закрывшись на Чистых прудах, клиника «La belle Hélène» непременно открылась бы в другом месте. Но так получалось трагичнее и гармонировало с минорным настроением босса.

Александр объяснил причины. Одна из клиенток сильно увлекалась астрологией и очень хотела сделать подтяжку в самый благоприятный для нее день, который, по предварительным расчетам, был в мае, а по окончательным, точнее которых не бывает, переместился на июнь. Александр поговорил с дамой по душам, убедился в том, что к операции в неблагоприятные дни она относится крайне отрицательно, и «переставил» операцию на июнь. А что ему еще оставалось делать? Операция делается не по жизненным показаниям, и дата в этом случае не имеет никакого значения. А вот внутренний настрой пациентки – имеет, да еще какое! Огромное значение! Исход операции зависит от профессионализма медиков только наполовину. Вторую половину обеспечивает внутренний настрой пациентов, их моральное состояние. Если у пациента депрессия – ждите осложнений.

– Благоприятные дни придумали! – возмущался босс. – Что мне теперь, придворного астролога на работу брать?!

«Где имение и где наводнение», – говорила бабушка Александра, сталкиваясь с подобным отсутствием причинно-следственных связей. Бабушка Анна Тимофеевна, царствие ей небесное, была забайкальской казачкой, скорой на руку, легкой на ногу и острой на язык.

У второй «передвинутой» клиентки, занимавшейся оптовой торговлей электротоварами, внезапно осложнились дела с китайскими поставками, и ей пришлось бросать все и отправляться в Шанхай, причем отправляться надолго, как минимум на две недели. Пока со старыми поставщиками разберешься, пока новых найдешь... Что тут мог сделать Александр? Вариант был всего один.

– Надо планировать как следует, а не брать даты с потолка! У нас тоже бывают разные непредвиденные обстоятельства! У кого их не бывает?!

В обычном состоянии Геннадий Валерианович по таким поводам вообще бы выступать не стал. Хозяин – барин, клиент всегда прав и так далее. Но сегодня ему надо было выплеснуть часть скопившегося раздражения, и Александр относился к этому с пониманием. Кивал головой, особо не возражал и не оправдывался, только время от времени на часы демонстративно поглядывал, намекая на то, что рабочее время можно использовать более рационально.

Бурное утро плавно перетекло в не менее бурный день. День без операции всегда более бурный, нежели операционный, потому что в такие дни приходится общаться с бо́льшим количеством пациентов. Кто-то приходит знакомиться и высказывать пожелания, кто-то на перевязку... К вечеру Александру хотелось тишины и покоя. Он даже не стал возиться с готовкой, а наделал себе на ужин бутербродов с красной икрой, которые относились к числу самых любимых его бутербродов. Хотя бы потому, что каждый день ими себя баловать не станешь, уж очень калорийное это баловство.

Иногда бутерброды падают маслом вверх, и это – дурной знак, предвещающий крупные проблемы. Дела настолько плохи, что закон бутерброда ленится срабатывать – именно так надо расценивать упавший маслом вверх бутерброд, а не радоваться удачному стечению обстоятельств.

Александр опрометчиво порадовался, потому что бутерброд был последний и падал он на колени, а вставать с дивана и идти переодеваться не хотелось. Александр сначала порадовался удачному падению бутерброда и только после этого, уже надкусив его, осознал, почему, собственно, дрогнула рука.

– Если вы видели этого человека или обладаете информацией о его местонахождении, то просим позвонить по телефонам...

С экрана телевизора на Александра смотрел недавний питерский пациент Сергей Иванович Кузнецов. Такой, каким он был до операции. Ошибка исключалась – во-первых, фотография, показываемая в сводке новостей, была хорошей, четкой, лицо снято анфас крупным планом, а во-вторых, профессиональная память не могла подвести Александра. Одно дело узнать человека, которого мельком видел на улице, и совсем другое – узнать своего бывшего пациента. Тем более прооперированного совсем недавно, на позапрошлой неделе.

Где-то внутри зябко потянуло холодком. Александр пропустил мимо ушей то, что диктор сказала о Кузнецове, но и так было ясно, что разыскивают его в связи с совершением какого-то преступления. Если бы внезапно пропал добропорядочный гражданин Кузнецов, то никто бы из близких не дал для опознания старой фотографии. За неимением новой (сразу же после пластической операции никто обычно фотографироваться не спешит) обошлись бы фотороботом. Какой смысл искать человека, зная, как он выглядел раньше, но не представляя, как он выглядит сейчас? Старая фотография не подошла бы, потому что новое лицо разительно отличается от старого, да, вдобавок, послеоперационный отек сильно меняет внешность. Старого лица уже нет, нового лица еще нет, а есть нечто... «Нечто», наверное, самое подходящее слово для характеристики облика в этот «промежуточный» период.

Кузнецов не одинокий пенсионер, а бизнесмен, то есть вроде бы как бизнесмен. Человек, который постоянно находится на людях. Такому будет очень сложно скрыть факт пластической операции. Даже если он живет один, то есть сотрудники, партнеры, любовницы, друзья... Кто-то да будет знать об операции, тем более что она была не просто омолаживающей, а изменяющей внешность. Тут ничего не скроешь, увидит окружение «новое лицо» и все поймет.

Мысли путались, перескакивали с одного на другое, но вывод напрашивался один-единственный. Неутешительный, неприятный.

Бизнесмен? Ясно теперь, что он за бизнесмен, этот Сергей Иванович Кузнецов. И никакой он не Кузнецов, скорее всего... Впрочем, «псевдоним» выбран умно. Сколько в России Сергеев Ивановичей Кузнецовых? Если не десятки тысяч, то все равно много. Легче затеряться, меньше внимания привлекается. Кто же вы на самом деле, Сергей Иванович Кузнецов? И каким бизнесом вы заправляете?

Оставив недоеденный бутерброд сохнуть на тарелке в скорбном одиночестве, Александр отправился за информацией в Интернет. Поиск по словам «Сергей Иванович Кузнецов Санкт-Петербург», как и следовало ожидать, не дал ничего интересного. Но стоило только Александру набрать в строке поиска «Санкт-Петербург розыск», как он попал на соответствующую стра-

ницу сайта Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу, где четвертая по счету фотография в списке разыскиваемых за совершенные преступления оказалась той самой, которую показывали по телевизору. Только фамилия изображенного на ней мужчины была не Кузнецов, а Арандаренко. Арандаренко Альберт Радиевич, 1972 года рождения, разыскивался по подозрению в организации убийств (именно так – во множественном числе) и совершении мошенничества в составе организованной преступной группы.

– Ну и дела, – коротко сказал Александр, набирая в строке поиска настоящее имя своего пациента.

«Ну и дела» в данном случае обозначало бурю негативных эмоций, которую чаще принято выражать при помощи витиеватых или хотя бы многоступенчатых словесных конструкций нецензурного характера. Но Александр не любил материться. Когда матерились другие, тоже не любил.

Альберт Радиевич оказался довольно известной персоной. «Видный предприниматель», «влиятельный бизнесмен», «ведущий специалист в области недвижимости», «владелец известной строительной фирмы», «крупный инвестор» и даже «меценат и благотворитель»... Ну, прямо столп общества, иначе и не скажешь.

Но на любой репутации непременно найдутся какие-нибудь пятна. Кто-то из журналистов упоминал о близости Альберта Радиевича к криминальным кругам и даже называли кличку «Алик-Лопата». Несколько раз Альберт Радиевич проходил подозреваемым по различным уголовным делам, но всякий раз подозрения в отношении его оставались только подозрениями, не более того.

«Темная лошадка с блестящей визитной карточкой», – говорила про таких, как Альберт Радиевич, мать Александра. Длинновато, но точно.

Вымышленное имя, пластическая операция, хирург со стороны... Прав был босс, когда говорил, что чувствует какой-то подвох. Александру следовало прислушаться, а не упиваться своей популярностью! В Питер его пригласили, видите ли! Как будто своих врачей там мало!

«Но ведь и раньше приглашали, – возразил самому себе Александр. – И все было нормально, никаких проблем. Кто же мог знать?»

А вот господин Дегтярский мог знать. Даже не «мог», а «обязан» был знать. Если пациент довольно известная в Питере личность и дело у него такое «деликатное», то вряд ли бы он рискнул обращаться под чужим именем в клинику своего города. Он бы, скорее, в Москву уехал оперироваться под чужим именем. Или, например, в Екатеринбург. Или в Киев. Короче говоря, куда угодно, только бы подальше от Петербурга, где многие знают, как его зовут на самом деле. Операция была хоть и сложной, но без чего-то сверхъестественного. Таковую в любом крупном городе можно сделать спокойно, были бы деньги. А он в Петербурге оперировался. У приглашенного из Москвы врача. А все остальные участники операции тоже были приглашены со стороны? Или там, в «Прогрессе», круговая порука?

Медсестры – еще ладно. Многие из них приезжают на заработки из других городов и могут не знать в лицо «видных питерцев». Да и не особенно вглядываются медсестры в лица пациентов. Другое дело – врач, который делает операцию. Он лицо пациента изучает до мельчайшей черточки. И память на лица у пластических хирургов цепкая. А уж про главного врача клиники говорить нечего – ему по статусу положено вращаться в «высшем обществе», рекламировать свою клинику, привлекать новых клиентов и все такое. Чтобы он-то, да не узнал Альберта Радиевича? Ладно, допустим, что он его действительно не узнал, но вряд ли Альберт Радиевич настолько глуп, чтобы на это рассчитывать. Вероятность того, что не узнает, куда меньше того, что узнает, а уж Альберту Радиевичу положено уметь хорошо просчитывать вероятности. Иначе бы он давным-давно отбывал срок или лежал на Северном, Южном или еще каком другом питерском кладбище. Нет, Анатолий Викторович был в курсе и сознательно подставил Александра. Да что тут гадать! Дегтярский же сказал, что Сергей Иванович его давний

знакомый, поэтому-то он сам не хотел оперировать. Александр сгоряча забыл об этом. Дегтярский и сам бы прооперировал, только ему для этого был нужен опытный ассистент, которого под рукой не имелось. Вот и пришлось приглашать Александра, выдумывая близкое знакомство как отмазку. Ассистировать в другой город никто из профессионалов не поедет, смешно это, нелепо, а кого-то из питерских специалистов Дегтярский на роль ассистента приглашать не хотел. Вот и вывернул ситуацию наизнанку – вы оперируйте, а я вам стану ассистировать.

Вот ведь мерзавец! Ох, недаром въедливые глазки у него бегали все время! Разве так можно? «Не волнуйтесь, Александр Михайлович, все послеоперационное ведение мы обеспечим на самом высоком уровне...» Мавр сделал свое дело, мавр может валить обратно в Москву, а мы тут сами разберемся. Сами с усами, да...

Подставлять ближнего вообще гадко, мерзко и подло, но если этот ближний – твой коллега-врач, то поступок приобретает особо неблагоприятную окраску. Сколько говорено и писано о корпоративной этике, корпоративной солидарности, некоторые даже о корпоративных заговорах упоминают, а на самом деле как не было в отечественной медицине ничего корпоративного, так и нет. Есть система «рука руку моет», не более того.

Эмоции бурлили и рвались наружу, но что толку в эмоциях? Конечно, Александр этого так не оставит. Он сейчас же... нет, сейчас уже поздно, двенадцатый час как-никак, поэтому он позвонит Анатолию Викторовичу завтра утром, выскажет в корректной форме все, что он о нем думает! А сейчас надо немного успокоиться...

Для того чтобы успокоиться, нет способа лучше каллиграфии. Вдумчиво разотрешь в чашке палочку туши, так же вдумчиво разведешь ее водой, вдумчиво макнешь кисть, вдумчиво выведешь первую линию, затем вторую...

Иероглиф «шоу», символизирующий долголетие, требует твердой руки и душевного спокойствия. Особенно в классическом своем написании. Особенно если не рисовать на листе бумаги один большой иероглиф, а покрывать его множеством мелких. Задача усложняется – здесь каждый иероглиф должен быть безупречен не только по форме, но и по размеру. Десять столбиков по десять иероглифов, и можно будет с почтением дарить этот лист на день рождения хорошему человеку. Сто иероглифов «шоу» – это не просто пожелание долголетия, а пожелание долголетия, граничащего с бессмертием... На девятом по счету листе бумаги дело пошло как надо. Казалось, что одинаковые и совершенные иероглифы расползаются по бумаге сами собой, без участия Александра. Нарисовав в нижнем правом углу последний иероглиф, Александр отложил кисть, удовлетворенно кивнул и вернулся к размышлениям.

На спокойную голову думалось лучше и продуктивнее. Александр вспомнил все то, что говорил Дегтярский за ужином в ресторане, вспомнил упоминание Алика во время поездки в такси (Аликом ведь можно не только Александра, но и Альберта назвать), добавил к этому оплату наличными из-за каких-то проблем с банком... Ох, явно придуманными были эти банковские проблемы. Дегтярский попросту не хотел оставлять следов. Банковский перевод – это след, а конверта, переданного из рук в руки, никто, кроме них двоих, не видел. И склонность общаться по телефону, а не по переписке тоже можно объяснить нежеланием оставлять следы. Письмо от Дегтярского пришло всего одно – с «рыбой», то есть с образцом договора. Да, Александр подписывал расходник, но расходник можно порвать и выбросить. И свой экземпляр договора Дегтярский мог порвать. И историю болезни тоже. У анестезиологов должен храниться второй экземпляр их карты, кроме той, что вложена в историю болезни? От него тоже никто не мешает избавиться. Так же, как и от журнала записи оперативных вмешательств, в котором Александр кратко описал ход операции. «Шапка» с указанием фамилий пациента и всех врачей, принимавших участие в операции, уже была кем-то заполнена, скорее всего, операционной сестрой. Номер истории болезни и дата операции там тоже указаны. Но кто мешает завести новый журнал?

Должны быть учтены и списаны наркотики и сильнодействующие препараты, затраченные на пациента? Это ведь целая канитель с учетом – записи в истории, записи в журналах... Хотя при желании можно приобрести все необходимые препараты на черном рынке, записей в журналах не делать, а историю болезни порвать и выбросить. Тогда никаких документальных следов не останется, и операция будет выглядеть подпольной. При желании руководитель клиники может устроить такое без особых проблем. Своя рука – владыка, как говорится.

И неспроста главный врач выступил в роли ассистента... Можно подумать, что некого ему было поставить в ассистенты! Не засиделся в своем кабинете господин Дегтярский, и не стариной он решил тряхнуть, а просто лишнего человека в тайну посвящать не хотел! И любому умному человеку это соображение пришло бы в голову сразу, насторожило. Фактам надо находить правильные объяснения, а не придумывать какую-то чепуху!

Не может такого быть, чтобы всех-всех-всех сотрудников «Прогресса» объединяла круговая порука... Правильно, не может. Поэтому кого-то приглашают со стороны. Приехал-уехал, и концы в воду, особенно если никаких документальных следов не осталось. А у доверенных сотрудников рот на замке. Вот не включил бы Александр сегодня вечером телевизор или смотрел бы другую программу, так и не узнал бы ничего. Не узнал бы, что, сам того не желая и не ведая, стал участником подпольной операции по изменению внешности.

К Александру несколько раз обращались с осторожными предложениями-намекami «прооперировать без лишней огласки». Гонорар в таких случаях увеличивался втрое, а то и впятеро, но Александр неизменно отказывался. Деньги деньгами, а принципы принципами. А тут на тебе – съездил в Питер. Вот уж действительно, лучше бы остался дома...

Помимо обычной пластической хирургии, помогающей людям улучшить свой облик, стать красивее, выглядеть моложе, существует и теневая, «подпольная», не улучшающая, а изменяющая до неузнаваемости. Неузнаваемости, нужной для того, чтобы уйти от ответственности, спрятаться за «чужим» лицом, чужими документами. Каких-то особых, «подпольных» клиник не существует – операции «без лишней огласки» делаются там же, где и обычные. Три направо, две налево. Четыре направо, одну налево. Пять налево, одну направо. Расклады везде свои. Кто-то вообще не связывается с «левыми» операциями, кто-то с их помощью пытается «удержаться на плаву», а кто-то делает их основной статьей дохода. Беспокойства больше, но и прибыль возрастает существенно, в разы. Александр не имел склонности к домыслам, наветам и огульным обвинениям, но он не был слепым и умел делать выводы. Если какая-то клиника практически нигде не рекламируется, привлечением клиентуры не занимается, никакого эксклюзива не предлагает, цены держит выше среднерыночных, но тем не менее существует годами, не погибает, не закрывается да вдобавок отличается исключительным кадровым постоянством, то тут уж выводы напрашиваются сами собой. Можно, конечно, допустить, что клинику перманентно спонсирует некий олигарх, которому когда-то здесь так удачно изменили форму носа, что он до сих пор на себя по утрам в зеркало любуется и никак налюбоваться не может... Но, скорее всего, клиника ориентирована на «теневые» операции. Каков спрос? Спрос огромный – не только свои соотечественники внешность меняют, но и из зарубежья приезжают, как из ближнего, так и из дальнего. Наши врачи ничем не хуже европейских, оснащение в частных клиниках самое современное, а уровень цен на «эксклюзивные» услуги существенно ниже, чем в той же Австрии или Англии...

Александр достал из книжного шкафа папку с договорами. Вот он, договор с «Первой реконструктивно-пластической клиникой «Прогресс». Но в нем мало конкретной информации. «Проведение в период с... по... на базе клиники следующих операций...» Всегда можно сказать, что договор заключили, а до операции дело не дошло. Точно! Акта сдачи-приемки выполненных работ они ведь с Дегтярским не подписывали! Без этого акта, по идее, бухгалтерия не может перечислить деньги! Александр всегда помнил про акты, а тут получил деньги

наликом и забыл о формальностях! Обе стороны выполнили свои обязательства друг перед другом и разошлись.

Теперь даже подпись Дегтярского на договоре казалась не подписью, а просто закорючкой. Собственно, это и была закорючка, нечто вроде перечеркнутой по диагонали буквы «О». И подписывал Дегтярский договор не при Александре, со стороны клиники они были подписаны и пропечатаны заранее.

Получается, что Александр стал участником, то есть – соучастником подпольной операции. И пойдика попробуй доказать обратное. А чем это чревато? Это чревато проблемами с законом, и еще это прекрасный повод для шантажа. Так часто бывает, оступится человек однажды, ненароком, и сам не заметит, как засосет его болото. Дегтярский вряд ли упустит такую возможность. Нет, он выждет немного, а потом обратится к Александру с очередной просьбой, уже не маскируясь. Наоборот – раскроет все карты, выложит их веером на стол и начнет пугать последствиями. Коготок увяз – всей птичке пропасть, поучаствовал доктор Берг в одной сомнительной затее, так почему бы ему не поучаствовать в другой. И так далее – в третьей, в четвертой, в пятой, в семнадцатой... До тех пор, пока не арестуют.

А можно прийти самому и все рассказать? Вряд ли это будет правильно...

Понятие врачебной тайны в этом случае не действовало. Врачебная тайна – это несколько другое. Когда тебя обводят вокруг пальца, используют втемную, делая участником сомнительной во всех смыслах затеи, ты не обязан хранить профессиональную тайну. От явки в полицию Александра удерживали другие соображения. Если история болезни вместе с остальными документальными следами операции уничтожены, он будет выглядеть соучастником. Явка с повинной, наверное, ему зачтется, но оправдаться, полностью обелиться он не сможет. Не исключено, что, не разобравшись, его сочтут главным организатором... Нет, иметь дело с полицией можно только в том случае, если можешь доказать свою невиновность. А для этого нужно иметь на руках копию истории болезни и координаты людей, которые могут подтвердить, что операция проводилась официально, с оформлением истории болезни, анестезиологической карты и прочей документации. Если даже Дегтярский «зачистил» концы и сунул их в воду, то это еще не означает, что доктор Берг ничем не сможет доказать свою правоту.

А может, он зря накрутил себя, да так знатно накрутил, что на сон грядущий для успокоения каллиграфией заниматься пришлось? Нет, не зря, совсем не зря...

На душе было тоскливо, даже не тоскливо, а гнусно. И еще было очень обидно, как бывает обидно любому порядочному человеку, столкнувшемуся с какой-либо мерзостью. Хочется воздевать руки, потрясать кулаками и сотрясать воздух абстрактно-риторическим воплем «Ну разве так можно?!». Когда тебя обманывают люди, в порядочности которых ты до этого не сомневался, больно бывает вдвойне.

«Надо ехать», – подумал Александр, снова берясь за кисть.

Иероглиф «чжэнь» – истина, так же сложен в написании, как и иероглиф «шоу», и в больших количествах оказывает выраженное успокаивающее действие.

4

Лучшее хобби на свете

«Карлсон – человек», считали почти все сотрудники клиники «La belle Hélène» и имели на то все основания. Несмотря на все свои недостатки, Геннадий Валерианович Качан, который официально назывался директором, а в обиходе – главным врачом, был руководителем понимающим, способным войти в положение и отчасти даже добрым. Ровно настолько добрым, насколько может себе позволить руководитель.

Услышав, что Александру нужно отлучиться на несколько дней по срочным личным делам, Геннадий Валерианович поиграл бровями, выражая таким образом свое недовольство, но вслух ничего не сказал и вопросов задавать не стал. Спросил только, что делать с завтрашними операциями, но на это Александр ответил, что завтра и послезавтра он отработает, отпроситься хочет с понедельника.

На самом деле Александру хотелось бросить все и немедленно мчаться в Питер, но он не мог себе этого позволить. На четверг были назначены две операции – ринопластика и увеличение объема груди. Отменять операции накануне из-за личных проблем можно только в том случае, если никаких других вариантов не остается. В пятницу – еще одна операция, фэйслифтинг⁶ у пациентки, которая завтра приезжает ради этого из Екатеринбурга. Причем – именно к доктору Бергу. Как ее не прооперировать, тем более что пятница не слишком удобный день для визита в клинику «Прогресс». Предупреждать о своем приезде Александр не хотел, считая, что лучше застать Дегтярского врасплох. Еще великий полководец древности Сунь-цзы советовал нападать неожиданно, так больше преимуществ. Предварительные звонки и письма с предупреждениями только испортят дело. Дегтярский начнет прятаться, предупредит сотрудников, чтобы те не соединяли его с Александром и не пускали Александра в клинику... Нет, врасплох и только врасплох. И если не получается явиться к Дегтярскому в четверг, то лучше уж тогда в понедельник, чем в пятницу, «полувыходной» день. Так надежнее и на всякий случай еще четыре рабочих дня будут впереди. Для чего они могут понадобиться, Александр пока что не понимал, но твердо решил ехать в Питер в понедельник, самым ранним поездом. Если все пойдет хорошо, он вернется в Москву вечером в понедельник, но, возможно, придется задержаться на день-два. Александр отпрашивался на три дня, с оговоркой, что может задержаться еще на день. Операции, назначенные на следующую неделю, придется переносить. Все потому, что мало ли что. Хорошо еще, что на следующую неделю пока запланировали всего две операции – то ли простое стечение обстоятельств, то ли антиреклама «Вареника» начала приносить свои горькие плоды. Вот если бы было пять-шесть операций... С другой стороны, затягивать с Дегтярским тоже нельзя. Это «железо» надо ковать, пока оно не остыло...

Боссу Александр решил рассказать все потом, по возвращении. Пока что интересы дела требовали сохранения тайны, да к тому же нельзя было исключать развития событий по наилучшему варианту. Дегтярский может осознать, раскаяться и... Наивно верить в подобное, но что-то хорошее в человеке всегда остается, насколько бы низко он ни пал, и об этом нельзя забывать.

Для матери Александр заготовил другую версию. Сказал, что собирается в Питер, но причину назвал выдуманную, сослался на подбор материала для докторской диссертации. Соврал, и тут же стало стыдно. Во-первых, потому, что врать матери не привык, не те отношения были между ними, чтобы врать друг другу, а во-вторых, потому, что темпы работы над докторской диссертацией оставляли желать лучшего. Да какие там темпы? «Воз и ныне там», вот какое

⁶ 1 Фэйслифтинг – подтяжка кожи лица и шеи.

выражение лучше всего подходило к подготовке докторской. Расслабился потихоньку, разболтался, надо построже относиться к себе.

«Вот вернусь – и начну, – пообещал себе Александр. – В ближайшие выходные засяду...» Это обещание выглядело совсем как обет, который давали рыцари. Справлюсь с трудным делом и... Очень подмывало дать еще один обет – никогда больше не оперировать в незнакомых или недостаточно знакомых клиниках, но это было бы глупо. В конце концов, любая из знакомых клиник когда-то была незнакомой. Неправильно, нерационально, неумно замыкаться в узком кругу. Лучше взять за правило снимать копии со всех «выездных» историй болезни, маскируя это под сбор материала для диссертации. Объяснение логичное, никаких подозрений у окружающих не вызовет, да вдобавок что-то непременно пригодится для научной работы. Пора собирать личный архив, Александр Михайлович, чтобы было в чем покопаться на старости лет.

Мелькнула мысль нарисовать новое лицо Кузнецова-Арандаренко и анонимно отправить этот портрет по электронной почте куда следует, чтобы там знали, кого им теперь надо искать, но Александр не стал этого делать. Не из гуманных соображений, потому что, когда тебя водят за нос, о гуманизме лучше не вспоминать, а из сугубо рациональных. Вряд ли там поверят анонимному письму, там так вот, без доказательств, верить вообще не принято. К тому же Александр мог нарисовать конечный результат, тот, который получится лишь после того, как сойдет отек. А отек после ринопластики держится долго, до двух месяцев, а то и больше, особенно у курящих, и очень сильно меняет лицо. Нос, как далеко выступающая деталь, бросается в глаза в первую очередь. Поэтому нет смысла морочить голову занятым людям, если не знаешь точно, как выглядит нос пациента сейчас.

Если бы пациент, обратившийся к Александру в обычном порядке, случайно проболтался, что делает пластическую операцию для того, чтобы скрыться от полиции, то, скорее всего, Александр бы постарался тут же забыть об этих словах, словно их не было вообще. Врачебная тайна в некотором смысле не имеет границ и распространяется на все-все-все. Но при одном условии – если речь идет об отношениях врачей с пациентами. Если же это отношения между аферистами и человеком, невольно втянутом в их аферу, то о каком сохранении врачебной тайны в рамках профессиональной порядочности может идти речь? Угол падения равен углу отражения, это непреложный закон. И не только в оптике, но и во всех сферах человеческой жизни. Если начал строить отношения на обмане, то не стоит рассчитывать на сохранение профессиональной тайны тем, кого ты обманул.

Одному человеку Александр рассказал все как есть. Своему лучшему и единственному, наверное, другу Андрею. Рассказал, потому что хотелось посоветоваться... даже не столько посоветоваться, сколько обсудить сложившуюся ситуацию с умным человеком. Ну и должен же кто-то знать, зачем на самом деле Александр отправился в Питер. Не то чтобы Александр ожидал каких-либо дальнейших подвохов, но все-таки поездка выглядела если не рискованной, то, во всяком случае, какой-то неоднозначной, нестандартной. А вдруг к моменту приезда Александра в клинику нагрянет полиция и его арестуют? В таком случае друг-журналист с широкими связями может оказаться полезнее любого адвоката. Разговор предстоял приватный, на людях его вести не хотелось, поэтому Александр пригласил Андрея к себе домой.

Встреча с другом – это праздник, а к праздникам надо готовиться. Александр съездил на рынок, купил парной свинины, помариновал ее в лимонном соке с пряностями, которые брал по принципу «отовсюду по чуть-чуть», засунул в пакет и поставил в духовку. Идеальное, в сущности, блюдо – вкусное, сытное и готовится само собой, главное не прозевать сигнал таймера. Вот чем думали производители плиты, когда сделали сигнал таймера в виде еле слышного попискивания? Таймер должен быть звучным, не как трубы Иерихона, но близко к ним, чтобы его слышали из других помещений. Если стоять в ожидании сигнала возле плиты, то сигнал вообще не нужен. Это стиральная машина закончила цикл и ждет, пока из нее выгрузят белье, а мясо надо доставать вовремя, потому что в остывающей духовке оно может пере-

сушиться. Ничего не поделать, приходилось запоминать время, периодически поглядывать на часы и вспоминать доцента Дробышева с кафедры урологии.

Дробышев был феноменально рассеянным человеком, странно, как он ухитрялся накладывать все положенные швы во время операций и не забывать инструменты в операционной ране. Впрочем, за инструментами и тампонами, употребляющимися во время операции, бдительно следят операционные сестры. По ходу операции отмечают в уме, что они дали докторам и что получили обратно, да вдобавок после операции пересчитывают все. Так вот, в кабинете у Дробышева на столе стоял механический будильник, выпущенный еще при социализме, предназначенный для напоминания о самых ответственных делах, таких, как операция или кафедральное собрание. Звонил он так громко, что с непривычки можно было испугаться. «Вещь! – уважительно отзывался о будильнике Дробышев. – Я его даже во время обхода слышу, через все отделение». Вот с чего надо брать пример производителям плит.

Друг удивил с порога так, что Александр едва не забыл о готовящемся мясе. Вместо длинных волос, которые, в зависимости от настроения, то собирались в хвост, то перехватывались плетеным кожаным шнуром (их была целая коллекция), на голове Андрея топорщился короткий ежик.

– Ты что так резко имидж сменил? – спросил Александр.

– Да вот, пришлось, – уклончиво ответил друг, оглаживая волосы ладонью. Командировочка у меня тут была одна недавно...

– Маскировался?

– Да какое там «маскировался», Саш! – скривился друг. – Я тебе что, Джеймс Бонд? Просто неудачно поспал в одной сельской гостинице на Алтае и привез оттуда таких масеньких друзей человека, членистоногих паразитообразных...

– Аноплура.

– Что за ругательство такое? – прищурился друг. – Почему я его не знаю?

– Вши так по-латыни называются, – пояснил Александр.

– Надо запомнить... – Андрей полез в висевшую на его плече сумку. – А от той дряни, которой я живность изводил, волосы стали как пакля. Вот и пришлось постричься. Но я не только вшей с Алтая привез, но и...

– Аскарид? – предположил Александр, изобразив испуг на лице. – Или клопов?

– Каких аскарид, профессор? – Андрей достал из сумки литровую стеклянную бутылку, наполненную жидкостью красного цвета. – Домашняя клюквенная настойка, делает один местный краевед по секретному рецепту. Ничего лучше, разве что кроме материнского молока, мне пить не приходилось. Небо в алмазах, а не настойка...

«Над всей Испанией безоблачное небо», не к месту и не в тему вдруг вспомнилось Александру.

Настойка действительно оказалась вкусной и пилась легко, словно сок, но Александр знал, что у подобных напитков есть одно коварное свойство – они пьются-пьются, незаметно так пьются, а потом внезапно и сильно ударяют в голову. Поэтому ограничился двумя рюмками – пробной и выпитой за встречу. Хорошего понемножку.

– Я тут на прошлой неделе на встречу с однокурсниками ходил, – вспомнил Андрей. – Никогда не ходил, не получалось как-то, а тут все так удачно сложилось... Дай, думаю, обновлю впечатления.

– Обновил? – поинтересовался Александр, которому в голосе друга слышалась ирония.

– Ага! – кивнул Андрей. – Жаль, что диктофона под рукой не было. Я рыдал, Саша, плакал невидимыми миру слезами. Все так усердно хвастались своими достижениями и так откровенно выражали надежду на то, что у других дела идут гораздо хуже, что я теперь хочу написать пьесу...

– Да ну! – не поверил Александр. – Неужели настолько вдохновило?

– Ты не представляешь! – друг покачал головой. – Это нечто такое... такое... Короче говоря, мне безумно жаль, что я пропустил много подобных мероприятий. Народ ежегодно встречается. А для пьесы я такое название придумал... БДСМ!

– БДСМ? – переспросил Александр, думая, что ослышался. – А при чем тут это?

– Сокращение от «бывшие друзья со мной»! Название – это главное! Люди ведутся не на статью, а на заголовок! Ну и элемент неожиданности... Народ думает, что это пьеса про «садомазо», а на самом деле...

– Эту пьесу не поставят ни в одном театре! – рассмеялся Александр. – Вот увидишь!

– Почему? – удивился Андрей.

– Потому что разочарованные зрители будут гневно выражать свое возмущение. Могут и побить актеров, до тебя-то им не добраться. Зрители придут в театр с определенным настроением, а вместо ожидаемого им покажут, как за столом сидят люди. Сидят и разговаривают. И больше ничего...

– Так, в некотором смысле, это и есть то самое! – горячо возразил Андрей. – Только в ментальном смысле! Нельзя же трактовать так однобоко...

– Пиши! – «разрешил» Александр, не желая продолжать дискуссию. – В крайнем случае, название изменишь. На «Детский сад».

– Тоже мысль! – подхватил друг. – Взрослые люди, а хвастаются как дети. Но «БДСМ» лучше цепляет...

«Как хорошо, что я избавлен от подобных мук! – с легкой долей иронии подумал Александр. – У меня нет вариантов с названиями статей. «Аспекты применения современных лазерных технологий для обработки кожи параорбитальной области» нельзя заменить на «Лазером в глаз» или на «Гиперboloид доктора Берга»⁷.

О деле Александр завел речь после того, как с едой было покончено. Не потому, что деловые разговоры плохо сказываются на приеме пищи, а просто так получилось. Пока говорили о том да о сем, от мяса остались только кости, которые Александр сложил в чистый бумажный пакет и убрал в холодильник. Кости предназначались двум симпатичным дворнягам, обитавшим при гаражах, что находились в ста метрах от дома Александра.

Андрей слушал профессионально, не перебивая уточнениями и вопросами. Выслушал, подумал немного и одобрил.

– Логично мыслишь. Бог в помощь. Информационная поддержка не нужна? Тема такая...

– Не нужна, – отказался Александр. – Я вообще тебе не как журналисту рассказал, а как другу.

– Оставь это дурацкое деление целого на сущности! – поморщился Андрей. – Лучше просто скажи: «Все должно остаться между нами». Ненавижу, когда так говорят. Соседка моя, Анастасия Дмитриевна, когда ей гвоздь в стену вбить надо или выключатель починить, говорит: «Андрюша, я обращаюсь к вам, как к мужчине». Редактор Ира любит обращаться ко мне как к гражданину... Хватит! Чувствую себя каким-то тридцатилетним Янусом!

– А я знал одного заместителя главного врача, – вспомнил Александр, – который во время дежурств заявлял: «Я сейчас действую как дежурный врач, а вот завтра утром разберусь во всем этом как заместитель главврача».

– И где он сейчас? – скептически поинтересовался Андрей.

– Главным врачом стал, – улыбнулся Александр.

На душе стало легче – рассказал умному человеку про свой план, получил одобрение. Одна голова хорошо, а две лучше, и вообще со стороны многое видится иначе. Взять хотя

⁷ 1 Аллюзия на «Гиперboloид инженера Гарина» – фантастический роман А.Н. Толстого, в котором рассказывается об аппарате, испускающем тепловой луч огромной мощности.

бы всю эту историю с Кузнецовым-Арандаренко. Александр никакого подвоха не почуял, а Геннадий Валерианович сразу засомневался...

– Андрей, а что означает слово «арандарь»? – вдруг спросил Александр.

– Откупщик права на пропинацию, – не задумываясь, ответил эрудированный друг.

– Тогда ответь на следующий вопрос – что такое пропинация?

– Исключительное право на производство спиртных напитков и торговлю ими в определенной местности.

«Деловая фамилия», – подумал Александр.

– А с чего вдруг такой интерес к украинскому языку? – любопытствовал Андрей.

Александр в своем рассказе ничьих фамилий не упоминал, только имена. Сказалась врачебная привычка рассказывать о делах без излишней конкретики. Сейчас-то не было причин не называть фамилии, но тем не менее Александр обошелся без них.

– Настоящая фамилия моего пациента Арандаренко, – ответил Александр. – Вот и интересуюсь...

– Завидую я тебе! – вдруг сказал Андрей. – В Питер поедешь... А мне в четверг в Магнитогорск лететь.

– Я бы с тобой поменялся, – серьезно ответил Александр, – тем более что никогда не был в Магнитогорске...

– Есть два города, которые я терпеть не могу. Это Череповец и Магнитогорск. И по закону подлости, мне по нескольку раз в год приходится туда летать. А в любимом Питере уж и не вспомню, когда был...

– Полюби Череповец с Магнитогорском и разлюби Петербург, – посоветовал Александр.

– Сердцу не прикажешь, – вздохнул Андрей. – Череповец с Магнитогорском полюбить еще можно, а вот разлюбить Петербург не получится...

– Переезжай туда, – посоветовал Александр. – Тебе же, в сущности, все равно, где жить.

Андрей уже третий год был фрилансером. Вольные хлеба его были довольно обильными, потому что работать он умел и дело свое знал.

– Ты что! – искренне ужаснулся Андрей. – Жить в любимом городе, это все равно что жениться на любимой женщине! Рано или поздно рутина разрушит сказку, из всех щелей полезут мелкие неприятные недостатки, и все – конец мечте! Встреча с любимым должна быть праздником!

Эту теорию в разных видах Александр слышал не раз. Чаще всего друг обращался к ней, когда вспоминал о своем неудачном браке. Сам Александр придерживался другого мнения. Он считал, что лучше всего жить в любимых городах с любимыми женщинами. В этом – счастье. А к неизбежным неприятным мелочам надо просто правильно относиться, не давая им затмевать главного. Мелким мусором можно засыпать большой красивый дворец так, что дворца не будет видно – один только мусор.

Проводив друга, Александр запустил посудомоечную и стиральную машины, а сам решил уделить немного времени лучшему хобби на свете, увлечение которым он старался не афишировать.

Изначально вышивка была простой тренировкой рук, «развитием мелкой моторики», как шутил Александр. Хирургам, как спортсменам и музыкантам, надо постоянно тренироваться, чтобы быть в форме. А потом Александр неожиданно увлекся, когда понял, какие красивые картины можно создавать при помощи ниток и иглолки. Накупил мулине всевозможных цветов, разных иголок и стал не просто тренироваться, но и творить.

Ничего запретного и постыдного в лучшем на свете хобби не было, просто к мужчинам, увлекающимся вышиванием, почему-то принято относиться со снисходительной иронией. Непонятно почему, но это так, и иногда это сильно раздражает. Поэтому Александр и не хвастался своими «шедеврами», несмотря на то что некоторые из них можно было бы смело

отправлять на выставки, настолько хороши они были. Сначала он их выбрасывал по завершении, потом по просьбе матери начал отдавать ей «особо шедевральные» экземпляры, а не так давно взял да оставил себе один дождливо-осенний городской пейзаж. Положил, так сказать, начало домашней коллекции. Теперь коллекция состояла уже из трех вышивок. Недаром говорится, что стоит только коготку увязнуть, и все... Творения, переложенные листами кальки, хранились в специальной коробке. Так гораздо лучше, чем по стенам развешивать – не выцветают.

Сейчас Александр работал над небольшой, но обильной мелкими штрихами копией картины китайского художника XI века Го Си. «Начало весны в горах». Что еще вышивать весной, как не весенние картины? Вышивал, как положено по китайским традициям – шелком по шелковой ткани. Готовую вышивку Александр собирался вставить в самодельную рамочку из бамбука и повесить у себя в кабинете. Если кто поинтересуется, можно будет сказать, что это подарок из Китая. Если кому-то очень понравится – можно будет подарить.

А когда-нибудь дотошные биографы прознают про то, что Александр Михайлович Берг вышивал на досуге, и бросятся искать его работы для музея...

Александр воткнул иглу в подушечку и взялся за распарыватель. Во время вышивания нельзя думать о смешном, даже над самим собой нельзя подшучивать. От смеха рука дрожит и стежки выходят неровными.

5

Black monday

Всю дорогу, от Ленинградского вокзала до Московского Александр репетировал, готовился к разговору с Дегтярским. К серьезным, ответственным разговорам принято готовиться.

Первое и главное – спокойствие. Никакого выражения эмоций, разве что тон можно взять холодно-отстраненный. С эмоциями у Александра проблем почти никогда не было, заносило его редко, когда казацкие гены брали верх над немецкими. Но уж если заносило, то заносило качественно, резонансно. В клинике такого себе позволить было невозможно. Скандалить вообще плохо, а доктору в медицинском учреждении – тем более. Да и что толку в эмоциях? Разве Дегтярский устрашит гнева, сверкающего в глазах, или громкого крика? Нет, конечно. Дегтярский – стреляный воробей, по всему видно. С ним надо говорить спокойно, но твердо. Так, чтобы он понял, что выход у него есть только один – тот, который предложит ему Александр.

Спокойствие, только спокойствие. Мантру Карлсона Александр повторил про себя раз сто, если не двести. Помогло. Если из Москвы он выехал во взвинченном состоянии, то в Петербург приехал спокойным как удав. Эмоции улеглись и обещали больше не беспокоить. Во всяком случае, сегодня.

Взвинченность – прямое противопоказание для работы. Больничный надо брать или отпуск. Хирург – это невозмутимость, ясный ум и твердая рука. Хирург, который перманентно взвинчен, должен держаться от операционного стола как можно дальше.

План составил такой. Войти в кабинет, поздороваться, сесть, посмотреть в глаза нехорошему человеку и сказать: «Я знаю, кого на самом деле оперировал». Дальше смотря по реакции Дегтярского. Если он начнет юлить и изображать неведение, то его двумя фразами можно припереть к стенке. Если сразу пойдет откровенный разговор, тем лучше. Александр скажет, что хочет получить копию истории болезни Кузнецова, который на самом деле Арандаренко. И неплохо бы было, если бы Дегтярский эту копию заверил. И копию подписанного Александром расходника пусть дает Дегтярский. Александр оперировал официально и деньги за это получил тоже официально. Если история с расходником уничтожены – придется восстанавливать.

Желание получить копии документов было вызвано не педантичностью, возведенной в бюрократический абсолют, а элементарным (и донельзя благоразумным) стремлением обзавестись вескими доказательствами того, что оперировал Александр официально, как положено.

Второе. Александр потребует данные всех участников операции – самого Дегтярского, анестезиолога и операционной сестры. Медсестры у анестезиолога не было, оперировали «узким составом». Фамилия, имя, отчество, паспортные данные, адрес проживания, номера телефонов. Чтобы в любой момент их можно было пригласить в свидетели.

Третье. Не прибегая к резким словам, без которых всегда можно обойтись, Александр даст краткую характеристику поступку Дегтярского и скажет, что больше никогда не станет иметь с ним дела.

Четвертое. Александр вернется на Московский вокзал, купит билет на ближайший поезд до Москвы, а если останется время, прогуляется до Аничкова моста или до Гостиного Двора с непременно заходом в первое же попавшееся кафе, из которого будет вкусно пахнуть выпечкой. Поездку надо завершить каким-нибудь приятным впечатлением, пусть даже и небольшим.

Если же Дегтярского сегодня не окажется в клинике или окажется, что восстановление истории болезни займет длительное время, или еще что, то придется задержаться на день-два. В случае необходимости Александр решил снять номер не в крупной гостинице типа «Октябрьской», а в каком-нибудь мини-отеле, желательно в центре. Чтобы было спокойно,

малоллюдно и «гулятельно», как выражался один из приятелей студенческой поры. Чтобы можно было вечерами неспешно бродить по центру города, не опасаясь развода мостов. Кто-то из знакомых питерцев считал развод мостов неудобством, а кто-то находил в этом своеобразную прелесть и даже удобство – например, гости за полночь не засиживаются. Развод мостов дисциплинирует. Интересно, а нельзя ли сейчас перестроить мосты так, чтобы их не пришлось разводить вообще? Наверное можно. Хотя, с другой стороны, разведенные мосты – это такой же символ Петербурга, как белые ночи и Медный всадник. А еще развод мостов – великолепное шоу для туристов. Александр наблюдал его однажды, впечатлило. Пока развод не начался, невозможно было поверить, что это вообще возможно, что огромная махина моста может «встать торчком».

Питер, согласно прогнозу, встретил хорошей ясной погодой. Александр поспешил счесть это хорошим знаком. Для того чтобы он не очень-то хорохорился, дорогу ему вскоре перебежали две черные кошки, а чуть позже вышла навстречу восточная женщина в ярких одеждах и с двумя пустыми ведрами в руке. «Погода погодой, – говорило providение, – а губы раскатывать нечего».

Дегтярского в клинике не оказалось.

– Анатолий Викторович еще не приехал, – налегая на «о», сказал высокий кадыкастый охранник. – Он по понедельникам часто задерживается.

– Насколько? – для порядка спросил Александр и получил стандартный ответ.

– Когда как. Над ним начальства нету.

«Уж лучше бы было», – раздосадованно подумал Александр.

Торчать в клинике не хотелось, тем более что никто и не приглашал пройти, присесть и подождать. Напротив – взгляд охранника был вежливо-вопросительным. «Вам все ясно? Гуд бай, арриведерчи, оревуар, до свидания!» – без труда читалось в этом ясном спокойном взгляде. Так смотрят люди, которые знают высшую правду и живут по ней.

– Загляну завтра, – пообещал Александр, хотя на самом деле намеревался зайти сегодня, ближе к вечеру.

Соврал он намеренно. Вдруг Дегтярский узнает его по описанию и начнет играть в прятки. Фактор внезапности – великое дело.

«Чуден Питер при ясной погоде», – твердил Александр, идя по Невскому куда глаза глядят. Глаза глядели вперед, потом им захотелось поглядеть вправо, затем влево, затем еще раз влево... Спустя два часа Александр вышел к Московскому вокзалу. «Совсем как Веничка», – улыбаясь, подумал он, вспомнив героя и автора книги «Москва – Петушки», которого ноги неизменно приводили к Курскому вокзалу. Интересная книга «Москва – Петушки» и неоднозначная. Сейчас модно лепить ярлык неоднозначности на что попало, считается комплиментом. А «Москва – Петушки» по-настоящему неоднозначная книга, глубокая, книга, у которой подтекст больше самого текста. С одной стороны, вроде бы как пустопорожний треп (некоторые даже скажут не «треп», а «бред»), а с другой – пронзительность и глубина. Как мы живем? Для кого мы живем? Зачем мы живем? И что представляет собой на самом деле наша жизнь? Александр сравнивал такие книги с кочаном капусты – долго приходится снимать лист за листом, пока не доберешься до кочерыжки, то есть – до сути. Банальное, конечно, сравнение, но лучшего и не подобрать. И с каждым снятым листом меняется отношение к книге. Для кого-то «Москва – Петушки» – это, прежде всего, рецепт коктейля «Слеза комсомолки», для кого-то – абсурд «революции» в Елисейкове, а для кого-то – последняя фраза: «И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду».

«Что-то я тоже никак не приду в сознание», – подумал Александр, имея в виду под «сознанием» четкое и ясное понимание ситуации. Вот она – обратная сторона всех этих

«заставаний» врасплох. Получилось такое своеобразное ментальное айкидо, когда твой прием, твоя сила, обращаются против тебя⁸. Хотел внезапности? Получай!

Внутренне презирая себя за такое мальчишество, Александр достал мобильный и прямо среди шума городского позвонил в «Прогресс», да еще и намеренно понизил голос до хриплого баса и разговаривал не так вежливо, как обычно.

– С Дегтярским соедините, пожалуйста! – полусказал-полуприказал он в ответ на стандартную формулу приветствия «Добрый день, клиника и т. д.».

– Анатолий Викторович на переговорах, – сказали в ответ. – Не знаю, когда он будет. Что-то передать?

Передавать Александр ничего не стал. Прошелся по узкой части Невского проспекта до площади Александра Невского, вернулся обратно к вокзалу, пошел дальше. Когда начал накрапывать дождик, зашел в кафе с красивым интерьером, где выпил чашку невкусного кофе. И все это – механически, неосознанно, на каком-то внутреннем «автопилоте». Безразличие ко всему и нервное напряжение – дрянная смесь. Не исключено, что и кофе оказался хороший, только вот Александру было не до вкуса. В какой-то момент он понял, что так нельзя, и выгнал себя под дождь. Зонт раскрыл шагов через пятьдесят, когда вернулся в состояние, близкое к обычному.

Безразличие к своеобразной красоте дождливого Петербурга или же к вкусу кофе можно было объяснить легко – не до красот и не до смакования напитков было Александру. Но вот нервозность... Откуда она? Ведь уже успела перегореть не только первая порция эмоций, но и вторая, и третья... Все уже обдумано, есть план действий, осталось только встретиться с Дегтярским, а на душе так странно, как бывает в ранней юности, когда стоишь в назначенном месте и волнуешься: придет – не придет? Начав философски смотреть на жизнь, Александр быстро перестал волноваться по этому поводу, но сейчас нечто подобное свербело внутри. Нечто пульсирующее от нетерпения и какое-то заведомо безнадежное. Во время свидания все ясно – уже понимаешь, что «не придет», но пытаешься обмануть сам себя и ждешь «еще пять минуточек». А сейчас-то откуда взялась безнадежность? Не придет Дегтярский на работу сегодня, так придет завтра. Не захочет встречаться с Александром? Ничего страшного, главное, что Александр очень хочет с ним встретиться. Можно сказать, что желания у Александра на двоих, так что не удастся Анатолию Викторовичу отсидеться за дверью своего кабинета. Не удастся! Так что долой нервозность, долой беспокойство, и вообще уже пора звонить в клинику.

Голос Александр менять не стал и, как оказалось, напрасно. Ему даже не дали договорить, отчество Дегтярского до конца произнести не дали.

– Его нет!

И сразу – короткие гудки отбоя.

Ничего себе ответ! Александр даже присвистнул от удивления, хотя склонности к художественному свисту за ним никогда не водилось. Впрочем, скорее всего, это был не свист как таковой, а сублимация какой-нибудь нецензурной брани. Подсознание заменило одно на другое, и в итоге вышло пристойно. Едва слышно присвистнуть на виду у прохожих (подворотня, в которой укрылся от дождя Александр, чтобы позвонить, была проходной, людной) можно, а вот громко ругаться неприлично. Вдвойне неприлично, потому что находишься не где-нибудь, а в городе, который принято считать культурной столицей России.

Культурная столица, частная клиника пластической хирургии – и такое откровенное хамство, которое мать называет «жэковским»! Даже вопрос до конца не дослушали! Явно Дегтярский уже в клинике. Узнал у охранника, что к нему приходил мужчина, догадался по описанию – кто именно, и «ушел в подполье». Ничего, крыса этакая, сейчас до тебя доберутся...

⁸ 1 В основу айкидо положен принцип перенаправления агрессии противника на него самого.

Александр настроился на самый худший в смысле общения вариант. Что ж, так тому и быть...

У давешнего охранника было странное выражение лица – удивленно-растерянное. Охранникам и вообще всем «непропускающим» стражам по роду службы положена абсолютная уверенность в своей правоте и в своих полномочиях. Иначе никак, иначе это будет не охранник, а черт знает кто. «Стесняется, – подумал Александр, идя по коридору. – Наверное, ему велели не пускать меня, задерживать любыми способами, а он не смог...»

Возле кабинета Дегтярского Александр спохватился, что не оставил в гардеробе куртку, но возвращаться не стал, решил, что сойдет и так. В конце концов, он же не в перевязочную пришел, а в кабинет главного врача, где никакого режима стерильности нет.

Дверь кабинета оказалась запертой. Не иначе как охранник успел сделать предупредительный звонок. Александр громко постучал три раза по три коротких стука. Дегтярский не открыл. Может, действительно вышел куда-то, но интуиция подсказывала, что никуда он не вышел, а сидит в кабинете. Ничего, на всякого хитреца найдется свой ловкач, как говорит друг Андрей.

По соседству с главным врачом, за дверью, на которой была только табличка с должностью, сидела главная медсестра клиники. Александр не был знаком с ней лично, но слышал от Дегтярского имя. Не то Алла Владимировна, не то Анна Владимировна. Нет, кажется, все же Анна, точно – Анна.

– Здравствуйте, Анна Владимировна, – Александр вошел в кабинет, закрыл за собой дверь, но дальше проходить не стал. – Я – доктор Берг из Москвы. Мне очень нужно поговорить с Анатолием Викторовичем, но в кабинете его нет. Он случайно не на операции?

Хитрость простая, как таблица умножения. Сейчас Анна Владимировна подтвердит, что главный врач «где-то здесь», и не исключено, что поможет его найти.

Корпулентная Анна Владимировна кивнула в ответ на приветствие и посмотрела на Александра, как ему показалось, выжидающе.

– Александр Михайлович, – представился он. – Анатолий Викторович в клинике?

– А разве... – начала было Анна Владимировна и тут же осеклась.

– Я догадываюсь, что Анатолий Викторович может избегать встречи со мной, – Александр говорил по-деловому спокойно, без малейшего раздражения. – Но я могу вас уверить, что хочу сообщить ему нечто весьма важное.

– Я понимаю, но... – Анна Владимировна снова умолкла на полуслове.

– Если вы понимаете, то вы поможете мне его найти, – жестко сказал Александр, которому уже начал надоедать весь этот Марлезонский балет.

Жаркая духота кабинета тоже не добавляла хорошего настроения.

– Я не могу, – наконец-то раскрыла рот Анна Владимировна.

– Если захотите, Анна Владимировна, то сможете, – Александр поощрительно улыбнулся – давай, мол, не тяни резину.

– Даже если захочу, не смогу, – стояла на своем Анна Владимировна.

Разговор получался каким-то кафкианским. Но у Кафки был Замок в Деревне, а здесь – медицинское учреждение.

– Он что, уехал? – «помог» Александр.

Анна Владимировна поиграла выщипанными в ниточку бровями, пожевала сочными губами, дрогнула двойным подбородком и ответила:

– В некотором смысле – да...

Как? Как можно уехать в некотором смысле? Голова уехала, а тело осталось в кабинете? Или...

– Его арестовали? – предположил Александр.

Подобный исход нетрудно было предположить. Как гласит восточная пословица – если пьешь воду из грязной лужи, то не жалуйся на боль в животе.

Анна Владимировна ничего не ответила.

«Из нее слова клещами не вытащить» – это про таких, как она. На что уж терпелив был Александр, но и его эта игра «в партизанку на допросе» начала раздражать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.